

Кир Булычев

**МЛАДЕНЕЦ
ФРЕЙ**

Кир Булычев

Младенец Фрей

Серия «Река Хронос», книга 6

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175959

Заповедник для академиков: Фантастические романы: Эксмо; Москва;

2006

ISBN 5-699-15120-6

Аннотация

Река Хронос. Великая река времени. Она течет сквозь годы, века, эпохи, делает повороты, растекается ручейками, дает излучины. Но – что было бы, если бы она повернула не там, где повернула? Хотя бы совсем чуть-чуть?

Возможно, все было бы именно так, как в книге Кира Булычева, проследившего путь реки Хронос за весь наш XX век. Со всеми возможными мельчайшими отклонениями от курса, круто меняющими дальнейший ход истории.

Что было бы, если?..

Если менять историю берется Кир Булычев – значит, будет интересно и увлекательно!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	49
Глава 2	81
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Кир Булычев

Младенец Фрей

Все действующие лица этого романа придуманы автором, и любое совпадение с прежде или ныне живущими людьми – досадная случайность.

Пролог

Январь 1992 г

Леонида Саввича не насторожило то, что дама, назвавшаяся Антониной Викторовной («Зовите меня просто Антониной или даже Тоней»), позвонила ему на работу. А ведь стоило задуматься: телефон сменили всего неделю назад, даже Соня его не знала.

Антонина Викторовна сказала, что звонит по просьбе его бывшего соученика, брат которого умер месяц назад, оставив коллекцию марок. А в семье соученика, который, правда, давно отъехал в другую страну, хранится память о том, что Леонид Саввич – выдающийся филателист и добрейшей души человек.

«Ну что вы, как можно, – сказал тут Леонид Саввич, – я отлично помню соученика Геннадия, неужели он отъехал за рубеж? Если я могу помочь, то буду рад, только учтите, что

я стеснен материально, может быть, вам лучше обратиться к более состоятельным филателистам, я готов дать вам телефон моего коллеги...»

«Ну нет, нет и еще раз нет, – возразила Антонина Викторовна, – покойный настаивал, чтобы обратиться именно к вам, он так вам доверял. Впрочем, и сумма может быть невелика, вы даже заработаете на этом».

«Как можно, как можно! Разве речь идет о наживе?»

«Нет, речь идет о гуманитарной помощи».

Смех у Антонины Викторовны был молодой, задорный, какой бывал по радио в комсомольских передачах.

«А далеко ли ехать? – спросил Леонид Саввич. – У меня нет своего транспорта, и супруга хвора, мне надо будет еще пойти по магазинам. Позвоните на той неделе, я буду рад».

Конечно, в сердце Леонида Саввича шевельнулся коллекционный короед: а вдруг от неведомого брата забытого однокашника остались сокровища, собранные еще дедушкой? Но Леонид Саввич привык не верить в счастье. Счастье всегда доставалось кому-то еще, а он лишь глядел на удаляющиеся красные кормовые фонарики.

К тому же у Леонида Саввича был большой жизненный опыт, и он знал наверняка, что выказывать излишнее любопытство, страсть, нетерпение – может оказаться роковым. Пospешай не торопясь, как учил Блехман.

Но Антонина Викторовна сама взяла дело в свои руки.

Ничего подобного, сказала она. Поездка займет всего ни-

чего, альбомы у нее с собой, в гостинице «Украина», тут она остановилась проездом. Разве она не сказала еще, что брат умер в Костроме? Да, именно в Костроме. «Гена не говорил вам, что они родом из Костромы? Ну вот, а вы запомнили. Я за вами заеду и отвезу. Дело пустячное, вы успеете домой колбаски купить».

«Но я еще не кончил работать».

«Когда кончаете? В шесть? А в пять уйти сможете? В виде исключения. Скажите, что врача к жене ждете. Я буду вас ждать у входа в институт».

И Леонид Саввич, разумеется, сдался.

* * *

Леонид Саввич вышел из института в пять десять. Не хотел задерживать даму. Воображение, не очень развитое у Леонида Саввича, тем не менее нарисовало ему портрет незнакомки – учительница из Костромы, молоденькая, в толстых очках, одетая в длинное, еще мамино пальто...

Он вышел на улицу Красина.

Остановился, сделав несколько шагов вперед, вдоль голых колючих кустов. Справа нагло и недоступно улыбалась Джоконда – там во дворе располагалось казино ее имени. Недавно открылось. Страна катилась к капитализму, это не очень нравилось Леониду Саввичу, потому что у него не было свободных денег и Сонино лечение тоже тянуло из семьи по-

следние соки.

Ну где же эта учительница?

Тявкнул автомобильный сигнал – Антонина Викторовна (кто же, кроме нее?) открыла дверцу черного японского джипа и крикнула:

– Залезай быстрее, все тепло выпустишь.

Он перебежал к джипу и сел на заднее сиденье. Антонина Викторовна подвинулась, освобождая ему место. Леонид Саввич спросил:

– Вы ждете именно меня?

– Нет, Суворова! – ответила уже знакомым комсомольским голосом женщина, скорее молодая, чем средних лет, в темно-коричневой шубе, которая поблескивала так дорого, что Леонид Саввич сразу подумал: это не синтетика!

Гордая ее голова была не покрыта, волосы, покрашенные в блондинистый цвет, завиты и прижаты к голове – получался некий довоенный образ. Леониду Саввичу, разумеется, те времена не достались, он родился после войны, но столько видел таких женщин в кино, что привык к этому образу.

Лицо Антонины Викторовны было тугим и розовощеким, подбородочек – круглый и упрямый, а глаза велики и цветом как облачное небо. Серые, с оттенком сиреневого.

Под шубой было трудно угадать, толстая она или нет. Но вернее всего мускулистая. Как метательница диска. Но не настолько мускулистая и массивная, как толкательница ядра.

– А я вас таким и представляла! – радостно сообщила Ан-

тонина Викторовна и приказала бритому узкому затылку над спинкой переднего сиденья: – Вперед, Алик, до хаты.

Алик кивнул, не оборачиваясь. Его уши были туго прижаты к голове.

Джип нарочито взревел, чтобы все знали, на какой тачке уезжает из института младший научный сотрудник Малкин.

Но вернее всего никто не заметил. И славно. Чем меньше мы высовываем напоказ наше благосостояние, тем больше нас любят сослуживцы.

Джип не спеша покатыл по Красина к Тишинскому рынку, оттуда по Большой Грузинской взял к реке.

От Антонины Викторовны пахло шикарными сладкими и одновременно горькими духами. В джипе было чуть темнее, чем на улице, – стекла тонированные, женщина дышала часто, словно была взволнована.

– Вы давно в Москве? – спросил Леонид Саввич. Надо было проявить вежливость.

– Наездами, – сказала Антонина. – А если кто из хороших людей чего попросит – все ко мне бегут. Такой характер, никому не могу отказать. А с мужиками – ну просто катастрофа.

Она засмеялась, вернее, захохотала. Но это не выглядело вульгарным – Леонид Саввич был противником всего вульгарного, – это был здоровый смех здорового животного.

Когда он шел по коридору «Украины» следом за дамой, то усмехнулся: вот кого он представлял себе учительницей в

маминою пальтишке!

Длинное манто развевалось, как плащ императрицы Екатерины, высокие каблуки цокали, будто проходил эскадрон. Алик, который спешил на два шага впереди, остановился перед дверью и отпер ее.

– Подождешь в машине, – приказала Антонина Викторовна.

Алик окинул Леонида Саввича недоброжелательным взглядом. Впрочем, других взглядов у Алика в запасе не было.

Войдя в номер, старомодный и шикарный с точки зрения провинциального начальника главка, Антонина повернулась к Леониду Саввичу спиной и сделала привычное движение – манто соскользнуло ему в руки, и он еле успел его подхватить.

– Опыта еще не набрался, – сказала Антонина Викторовна. – Что пьем? Виски, коньяк? Шампузу или простую белую?

– Мне домой надо, – смутился Леонид Саввич. Ему уже не хотелось домой.

– Ты же не за рулем, – возразила Антонина Викторовна. – А нам надо еще на брудершафт выпить.

Она уселась на диван. Юбка оказалась куда короче, чем можно было ожидать. Впрочем, Леонид Саввич и не мог бы сказать, чего он ожидал.

Антонина Викторовна села – нога на ногу. Колени – пол-

ные, красивые, гладкие, хочется их гладить.

– Ну что стоишь! – рассмеялась Антонина Викторовна. – Действуй, орел. Видишь бар? Доставай выпивку. Я приказываю тебе, мой рыцарь.

Она правильно выбрала тон – он позволил Леониду Саввичу тоже вроде перевести ситуацию в шутку. В шутку достать из большого бара бутылку водки для Антонины Викторовны, для себя – виски, кюветку со льдом, минералку. Славно! Леонид Саввич никогда не был трезвенником, но пил редко, чаще всего на семейных торжествах или поминках. Ему нравилось посидеть в компании.

Можно было даже не спрашивать про марки. Просто посидеть с красивой женщиной.

Выпили по первой.

– А ты славный, – сказала Антонина Викторовна.

Выпили еще по одной.

– Да, кстати, – сказала Антонина, – прежде чем я покажу альбомчик, попрошу называть меня без отчества. А то выгоню.

– Слушаюсь, мон генераль! – согласился Леонид Саввич. – Но и вы меня, пожалуйста, – Леонидом.

– Леней, а не Леонидом, – поправила его Антонина. – Я тебе говорила, что ты славный?

Вряд ли Леонида Саввича можно было назвать славным. Тут требовалось какое-то иное определение.

В Леониде Саввиче было несколько противоречий, прав-

да, непринципиальных. К примеру, он был худ и сутул, с осунувшимся лицом, но притом у него в последние годы вырос круглый животик, который вылезал из любого пиджака. В плечах и прочих местах он был на четыре размера меньше, чем в талии. Леонид Саввич был лыс, но вокруг лысины волосы росли так густо и так энергично курчавились, что уследить за этой шевелюрой не было возможности. Голова его была схожа с гнездом из травы и сучков, из которого вылезало крупное желтоватое яйцо. Глаза у Леонида Саввича были узкими, желтыми, скулы высокими – он немного походил на нанайца, но узкий длинный нос вытягивался вперед столь очевидно, что казался приклеенным к лицу для маскировки.

Нет, его не назовешь привлекательным, но и отвращения это лицо не вызывало.

Выпили еще по одной.

– Работа у тебя интересная? – спросила Антонина.

Он кивнул и выпил еще.

– У меня тоже, – сказала Антонина. – Тебе марки показывать?

– Разумеется, – обрадовался Леня, который было запоминать, зачем пришел в этот роскошный номер. Может быть, для любовного свидания? Ах, не шутите!

Антонина легко поднялась с дивана и, играя ягодицами, подошла к письменному столу, на котором лежал кожаный кейс. Она ловко нажала нужные кнопки, кейс щелкнул и откинул крышку. Там лежал сверток, обернутый в газету.

Антонина перенесла сверток на журнальный столик.

– Ты чего не налил? – удивилась она.

Леонид Саввич аккуратно развернул газету и сложил ее. Потом открыл альбом, скорее стопку листов, издания 1940 года в коленкоровой папке: «Марки СССР». В таких альбомах обычно хранятся посредственные коллекции, любительские, старые. Но изредка в них попадаются жемчужины.

Антонина сама налила по новой, Леонид Саввич листал альбом.

Вначале все было обыкновенно, привычный набор: консульской почты только два первых номера, «Филателия – детям» без первых двух марок, все на наклейках, что снижает цену вдвое. Стоп! Если это не липа, то из-за этой марки стоит купить весь альбом! Леваневский с маленькой буквой «ф» в слове «Франциско». А вот и блок первого съезда архитекторов без надписи. Такого раритета он еще в руках не держал...

– Ну и как? – спросила Антонина Викторовна.

– Есть неплохие экземпляры, – признался Леонид Саввич. Теперь надо осторожно спросить – только не вызывать подозрений: – А вы кому-нибудь показывали?

– Ну кому покажешь в Костроме! – вздохнула Антонина Викторовна. – Ведь надо помочь людям. Я боюсь, что ты разочарован, мой академик? Ну не расстраивайся, главное – здоровье, остальное купим.

– Остальное купим, – тупо повторил Леонид Саввич. –

Остальное купим. Что купим?

– Говоришь, ничего интересного?

– Кое-что... а сколько они хотят?

– Это тебе решать, козлик, – ласково сказала Антонина Викторовна. – Полное доверие, не чужие ведь. Как думаешь, сможем помочь бедным родственникам?

– Конечно, – поспешил ответить Леонид Саввич.

Он не намеревался обижать или обманывать владельцев коллекции. Ни в коем случае! Но он знал закон этого мира: не предлагай больше, чем от тебя ожидают. Иначе возникнет подозрение, что на самом деле товар стоит куда дороже. А если эта женщина понесет проверять его оценку к чужому человеку, то получится конфуз.

– Мне надо подумать, – сказал Малкин. – Два дня. Вы можете дать мне коллекцию с собой? Надо проверить состояние марок.

– Бери, – сразу согласилась Антонина. – Они фотографии сделали, с каждой страницы. Так что тебе их не обдурить.

Малкин обиделся. Искренне обиделся. Решительно захлопнул альбом и произнес:

– Как только в отношения вторгается элемент недоверия, все теряет смысл.

– Как сказал! Как сказал, мой академик! – Антонина, сидевшая рядом с ним на широком диване, потянулась к нему, потеряла равновесие и навалилась преувеличенно мягкой грудью.

– Тебя не хотели, – прошептала она, – тебя не хотели обидеть. Я докажу тебе!

– Что докажешь? – Леонид Саввич стал говорить шепотом, словно они таились под кустом на пикнике и рядом бывал ее сердитый муж или его ревнивая жена.

– Я тебе докажу, какой ты мужик, – шепотом ответила Антонина. – Ты – мужчина моей мечты!

– Ну что вы... – Леонид Саввич испугался, что, лежа на нем, Антонина нечаянно повредит страницы альбома.

– Бог с ними, с марками! – заявила Антонина. – Любовь дороже.

Леонид Саввич готов был возразить, помня о блоке без надписи, но возразить не смог, так как его рот был наполнен пышным смачным мокрым языком Антонины Викторовны, который возился во рту библиографа, что-то разыскивая.

Если кому-то из читателей этот образ может показаться чересчур натуралистичным, я осмелюсь возразить: Антонина Викторовна была в высшей степени соблазнительной женщиной, а такая женщина не соблюдает правил хорошего тона. Леониду Саввичу пришлось начать борьбу с языком дамы, выталкивая его наружу, и Антонина согласилась сражаться, отчего в битве языков создался определенный ритм, перешедший на тела в целом. И Антонина, откинув на секунду голову, хрипло прошептала:

– Перенеси меня в койку!

Что было условностью, так как оба понимали – Леониду

Саввичу не поднять сто килограммов жаждущей плоти.

Поэтому Антонина потянула Леонида Саввича за собой туда, где в алькове стояла трехспальная кровать для командированных работников государственного аппарата.

Антонина провела прием самбо, которому научилась в комсомольской школе. Ее жертва – впрочем, приемлемо ли здесь это слово? – потеряла равновесие и рухнула на кровать, исчезнув на несколько мгновений в поднявшихся дыбом одеялах и покрывалах.

– У-у-ух, ты мой сладенький академик! – воскликнула Антонина и принялась искать Леонида Саввича в кровати, в чем вскоре преуспела.

– Ты меня любишь? – спросила она, обхватив Леонида Саввича за талию и приподнимая, чтобы легче сорвать с него брюки.

– Да, – согласился Леонид Саввич, потому что неловко отказывать женщине в таком знаке внимания.

Он выпутывался из брюк, и Антонина, помогая ему в этом, употребляла неприличные, но странные слова, которые никогда не смели произносить в постели ни Соня, ни Изольда – институтская возлюбленная Леонида Саввича, которая потом предпочла ему другого молодого человека. Этим его сексуальный опыт и ограничивался.

А дальнейшее произошло быстро и неожиданно, потому что Леонид Саввич не сообразил в горячке объятий, поцелуев и душевного трепета, что Антонина незаметно для него

успела раздеться и в тот момент, когда он уже намеревался овладеть ею, оседлала мужчину, и ему пришлось подстраиваться под ритм ее тела, которое мягко и неотвратно двигалось, жарко надеваясь на него, как перчатка на пальцы.

Крики и движения так возбудили Леонида Саввича, что он потерял контроль над своим телом и вдруг почувствовал, как живительная влага устремляется к выходу из него, отчего он двигался все быстрее, превращаясь в некий вибратор, а Антонина все молила его: «О, не спеши, только не спеши, гад!»

Но она не смогла удержать любовника, не успела догнать его, и потому, когда Леонид Саввич, чувствуя себя страшно виноватым, провалившим любовный экзамен, отполз от нее, освобождаясь от объятий, она произнесла трезво и деловито:

– Ну, ты не Геркулес! Я только разогрелась, а ты уже! Разве так можно?

– Простите, – сказал Леонид Саввич и сразу вспомнил о блоке без надписи и марке Леваневского с маленькой «ф». Вряд ли теперь, понимал он, ему отдадут эту коллекцию. Он так опозорился...

Антонина вздохнула, подумала, вздохнула вторично и неожиданно для Леонида Саввича провела мягкими губами по его плечу, по шее, уху и произнесла:

– Не расстраивайся. Дай бог, не последний.

– Простите, – сказал Леонид Саввич.

– За что? За то, что ты на меня набросился? За попытку

изнасилования в номере люкс гостиницы «Украина»? Ну, за это пусть тебя жена критикует.

Менее всего Леонид Саввич рассматривал происшедшее как попытку изнасилования. Так он и сказал:

– Простите, но я вас очень уважаю и совсем не хотел вас обидеть.

– Неужели не хотел? Ну и дурак. А я люблю, когда меня насилуют. И лучше коллективом, чем индивидуально. – И она рассмеялась. – Еще выпьешь?

И тут Леонид Саввич понял, что на него не сердятся. Даже шутят.

Трудно представить себе градус благодарности, которая наполнила его небольшое лысое тело. Подобного счастья он не испытывал никогда в жизни... Если бы его попросили объяснить, в чем же то самое счастье заключалось, он бы развел руками, показывая, каким оно было широким. Ощущения возникали не от воспоминаний, а от образа женщины, которая сидела рядом с ним на кровати и, совсем его не стесняясь, выдавливала прыщик на розовом округлом бедре.

– Выпью, – сказал Леонид Саввич. – А вам... тебе не было неприятно?

– Мне было недостаточно, – ответила Антонина. – Себе налей и меня не забудь.

Леонид Саввич поднялся с постели и чуть не упал, так весело и быстро кружилась голова. Он зажмурился и подождал, пока она перестанет вертеться.

- А ты где вообще работаешь? – спросила Антонина.
- В Институте специальных биологических проблем.
- А есть и неспециальные? – пошутила Антонина.
- У меня редкая работа.

Леонид Саввич налил ей чистой водочки, а себе виски. Он уже почти пришел в себя, и его все более тянуло открыть снова альбом и убедиться, что блок ему не причудился.

– Признайся, птенчик, – умоляла Антонина. – Меня прямо щекочет узнать, что ты делаешь в своей академии.

Нет, ноги слабые. Леонид Саввич сел на край дивана, и его рука непроизвольно потянулась к альбому.

– Это не совсем академия, – сказал он. – Мы занимаемся некоторыми биологическими проблемами.

– Ясно. Темнишь, значит, работаешь в ящике и думаешь, что я агент ЦРУ. Застегни мне платье сзади. Накинулся как волк, теперь буду мучиться.

– Почему?

– Ты мне все там разбередил. Как будто дубиной отдубасил, урод какой-то.

Леонид Саввич знал, конечно, что слова ее не имеют отношения к действительности, но было лестно, что он чуть не искалечил такую опытную женщину.

– Прости, – повторил он уже с долей кокетства. – Я не хотел.

– И как тебя жена выдерживает? Наверное, рыдает по ночам?

Леонид Саввич испугался услышать насмешку в голосе, но насмешки не услышал.

– Мы с ней... мы фактически не спим вместе.

– А дети-то есть?

– Есть, сын. В школу пошел, – признался Леонид Саввич. – Одни пятерки, кроме арифметики.

– Так ты мне не сказал, что изобретаешь в своем почтовом ящике.

– Это не почтовый ящик. Это гражданский институт, но очень старый и закрытый.

– Закрытый, но не секретный?

– У нас деликатная тема исследований. Тебе неинтересно. Особенно теперь.

– Ну ты меня заинтриговал, птенчик!

– Мы занимаемся сохранением тел выдающихся людей.

– Сохранением тел... – повторила Антонина. – Как так? Морозилка, что ли?

– Я не шучу. – Леонид Саввич вдруг понял, что у него есть свои козыри: он трудился в учреждении, само существование которого – тайна.

– Тогда объясни. – Антонина поднялась наконец с кровати, подошла к зеркалу и стала приводить в порядок прическу.

– Другими словами, это – институт Ленина, – сказал Леонид Саввич. – Именно мы уже много десятилетий поддерживаем его внешний вид в кондициях почти живого человека.

– Мавзолей, да?

– Мавзолей в Москве, мавзолеи в других странах, где берегут тела своих вождей. Например, в Ханое, где лежит тело Хо Ши Мина, и в Мозамбике.

– А разве его еще не вывезли на кладбище?

– Надеюсь, этого не будет никогда, – сказал Леонид Саввич. – Никогда. Величайший эксперимент в истории человечества должен быть завершен.

– И когда же?

– Когда подойдет время. – Леонид Саввич был тверд.

– Интересно, так же бальзамировщики в Древнем Египте говорили? – произнесла Антонина, обнаружив определенную эрудицию. – Там тоже думали, что эксперимент должен завершиться в свое время?

К счастью для Антонины Викторовны, Леонид Саввич был уже настолько поглощен мыслями об альбоме, что не обратил внимания на холодную трезвость ее голоса.

Он решился на новое наступление. Мелкое мужское коварство подсказывало ему, что любовница должна размягчиться. Ведь не чужие они теперь.

– Мы не чужие теперь, – сказал он.

– Ты о чем, цыпочка?

– Мне в самом деле придется посмотреть марки. С каталогом. Надо состояние их увидеть, наконец. А вдруг у них тонкие места?

– Тонкие места, говоришь? Это хорошо или плохо?

– Плохо, Тоня, очень плохо.

Леонид Саввич мысленно извивался у ее ног, как дрессированный угорь.

– А ты чем сам-то занимаешься в своем институте? Температуру мумиям меришь?

– Антонина, я бы тебя попросил! – сказал строго Леонид Саввич. Даже кончик узкого носа покраснел от гнева. – Есть на свете вещи, над которыми издеваться некрасиво.

– Понимаю, – быстро согласилась Антонина.

– А я – главный библиограф института.

– Главный? А сколько вас всего?

Леонид Саввич несколько секунд размышлял, обидеться или нет, потом улыбнулся и ответил:

– Я один.

– И чем же занимается библиограф в таком важном институте?

– В моем ведении архив. – Леонид Саввич отвечал автоматически. Сердце его было в альбоме.

– А ты когда решение примешь? – спросила Антонина.

– Надо срочно?

– До моего отъезда. Я обещала – если у тебя не выйдет, отнесу в комиссионку.

– А там обманут. Раз в пять меньше дадут.

– С тобой вместе пойдем, зайчик, ты же не разрешишь обмануть свою птичку?

– Не разрешу, – согласился Леонид Саввич. – Но взять

альбом с собой придется. Все равно придется. Нужна уверенность. – Мысль о том, как он будет сопровождать птичку к другому торговцу, была ужасна и тошнотворна.

– И чтобы завтра вернул.

– Ну разумеется!

– Принесешь сюда, после обеда. И деньги чтобы были с тобой.

– Но я же еще не оценил!

– Это меня не колышет, козлик. Не будешь же ты обманывать родственников своего друга.

«Кто же это мой друг? – вдруг смутился Леонид Саввич. – У меня кто-то умер?»

Пока он собирался с мыслями, Антонина завершила свой туалет. Налила себе полную рюмку, кавалеру на этот раз не предложила.

– Ты на работе будешь? – спросила она.

– В какое время?

– Я до обеда тебе позвоню, сговоримся.

– Разумеется, – сказал Леонид Саввич.

Краткое любовное безумие, поразившее их, умчалось далее с порывом ветра. Теперь чувства Леонида Саввича принадлежали альбому.

Какие чувства волновали Антонину, Леонид Саввич и не хотел догадываться. Это не значит, что страсть не оставила следа в его душе, но душа его была невелика размером, и в ней с трудом умещались три, а то и два сильных чув-

ства. В конце концов, большинство людей устроены именно так. Естественно будет, если взбаламученные мужские эмоции вновь заявят о себе, как только наступит ясность с коллекцией.

– А сколько ты примерно думаешь дать? Навскидку?

– Боюсь сказать, – ответил Леонид Саввич. – Но не меньше пятисот долларов.

– Ты уверен?

«Надо было меньше сказать! Ошибся, ошибся...»

– Может быть, поменьше, триста...

– А она рассчитывала тысячи на две-три, так и сказала. Это тоже опасно.

– Для того и хочу взять домой, – сказал Леонид Саввич.

– В холодке, за бутылком «Будвайзера»?

– В переносном смысле именно так.

– Ах ты мой умница! Ах ты мой хорошенький.

Она сжала ладонями его щеки, так что губы сложились бантиком, и быстро-быстро принялась облизывать его губы острым язычком.

– О-о-о-о, – замычал Леонид Саввич.

– До завтра! – Она отпустила его. – Звоню в двенадцать. Чтобы решение было принято, бабки на столе – и я твоя. Только, как понимаешь, я в финансовую сторону не вхожу. Я – бесплатное приложение!

Она отворила дверь в коридор.

Там стоял Алик.

Неужели он все слышал?

– И чтобы сегодня ты с Сонькой не спал. Любой предлог найди! Завтра ты мой – чтобы было чем и как.

Она засмеялась и пошла по коридору.

Алик задержался, запирая за ними дверь.

Леонид Саввич покраснел: он чувствовал себя прегадко, единственное утешение – чемодан с альбомом. Чемодан оттягивал руку, хотя ценности, заключенные в нем, были почти невесомыми.

* * *

Что делает относительно честный человек, которому надо за ночь совершить два бесчестных поступка: подготовить к покупке коллекцию марок так, чтобы она ему досталась как можно дешевле, и солгать жене, которой почти никогда не лгал.

Первая ложь защитила его от разоблачения второй.

– Я ездил за коллекцией. Вот она, смотри.

– С каких пор коллекции тебе выдают в американских кейсах?

Соня человек въедливый и не то чтобы умный, но хваткий.

– Здесь есть ценные экземпляры.

– Покупать будешь? – Это было сказано без всякого уважения к Леониду Саввичу, так как у того свободных денег

не было. Если не считать полутора тысяч, собранных с помощью Сониной мамы на отпуск в Анталии.

– Может быть выгодная сделка.

Соня пошла на кухню ворчать, а ее муж, уже не спеша, с лупой, с каталогом, принялся рассматривать потенциальную добычу.

И Леваневский, и блок были настоящими, состояние на четыре с плюсом.

Проще всего подменить марки. Блок вставить обычный, он ничем, кроме нескольких строчек надписи текста, не отличается. А марка и того более схожа – буква побольше, буква поменьше – кто поймет! И даже если кто-то сделал любительские фотографии и потом, охваченный подозрениями, станет выяснять истину, можно от всего отречься. По крайней мере нет такой фотографии, на которой увидишь разницу между буквами.

Понятно, что мысли Леонида Саввича граничили с уголовщиной.

И он стал думать – то ли остаться честным и предложить две тысячи, чего от него ждут, то ли просто подменить марки, предложить цену ничтожную и отказаться от сделки вообще. Так или так?

Так или так?

А у Антонины серые выпуклые глаза, она открыла их в тот самый момент, и в них была несказанная боль наслаждения! И он увидел себя в этих глазах, увидел потрясение впервые

в жизни полученной радостью, хоть и опозорился.

– Ты чай будешь пить?

– Иду, сейчас иду.

А жена начнет канючить, какая глупая учительница поставила Дениске двойку и как беспардонно ведет себя сосед по лестничной клетке, который открыто и нагло водит к себе девиц. Понимаешь – девиц. Он оскорбляет наш лифт.

«Ну уж лифт...»

«Ты был бы счастлив оказаться на его месте! По глазам вижу, что счастлив. Но я тебе такого шанса не дам, и не расчитывай».

«Нет, – подумал Леонид Саввич. – Обман может раскрыться. И тогда вся надежда на будущие встречи с Антониной рухнет. Нужен ли ей мелкий жулик? А если у нее будет ребенок? Нет, об этом думать даже наивно, такая женщина, как Антонина, отлично умеет предохраняться. Лучше оценить все в половину стоимости...»

Ночью он проснулся от гениальной идеи. Он подменит только одну марку – Леваневского с маленькой буквой. А блок оставит как есть. Зато предложит две тысячи...

Соня храпела. Она спала на спине и храпела. Леонид Саввич принялся переворачивать Соню на бок, она сопротивлялась. В соседней комнате забормотал во сне Дениска. Это же ужас – прожить жизнь в двухкомнатной хрущобе! Без перспектив.

Но где взять две тысячи?

Соне ничего сказать нельзя, она этого не переживет. Ей вообще несвойствен риск. А не рискуя, ты никогда ничего не зарабатываешь.

Утром он опоздал на работу, потому что ждал, пока уйдет Соня. Она повела мальчика в школу.

Леонид Саввич полез в домашний сейф – коробку из-под кубинских сигар за книгами на второй сверху книжной полке. Коробки не было.

Ну и хитрюга! Заподозрила! Перепрятала.

Он знал, куда Соня перепрятывает. Когда-то прочел в записках следователя, что мужчины прячут деньги в книги, а женщины – в белье. По крайней мере у них дома это правило срабатывало.

Леонид Саввич отыскал коробку под простынями.

Оставил там двести долларов. Остальное изъят. И поехал в институт.

* * *

Длинная узкая комната архива примыкала к институтской библиотеке.

На все про все – один работник, Леонид Саввич. Раньше было трое, но сейчас пришлось сократить.

Институт содрогался под угрозой ликвидации. Хорошо еще, что в сердце у самых главных чиновников страны таилась явная или тайная тревога: «Если все вернется, как я по-

смотрю в глаза товарищам по бывшей партии?»

Поэтому институту отыскивали деньги на существование, на поддержание лаборатории и даже на заграничные командировки, потому что по всему миру раскиданы мавзолеи и гробницы, где лежат нетленные диктаторы. Правда, число их уменьшается – то где-нибудь в Афганистане, то в Чаде развенчивают очередного вождя всех народов и кидают в яму. Если остаются должны институту, то никогда не возвращают долгов.

Но два или три вождя все еще покоятся в мавзолеях, и за них последователи платят в валюте, хоть и скудно. Надеются, что подойдет их черед и они тоже удостоятся состояния мумии.

В двенадцать ровно позвонила любовница Леонида. Не то чтобы он надеялся, что она забыла о коллекции, – такого не бывает, и не то чтобы он этого не хотел – его тело все более настойчиво вспоминало о возможном повторении счастья. Так что Леонид Саввич просто сидел у телефона и ждал – будь что будет!

А ее голос возбудил так, что он встал – не смог усидеть.

– Козлик, – сказала она. – Ты обдумал?

В этот момент в архив заглянул кто-то из сотрудников, и «козлику» пришлось прикрыть трубку ладонью.

– В два в гостинице? – спросил он.

– Нет, – вздохнула дама его сердца. – С гостиницей подождем, сейчас я должна взять у тебя коллекцию.

– Что случилось?

– Срочно нужны деньги. Поехали в магазин, ты покажешь?

– Но я принес деньги.

– Сколько?

Леонид Саввич оглянулся и ответил как положено:

– Это не телефонный разговор. Встретимся, скажу.

– Милый, я не могу ждать, – возразила Антонина. – Мне нужно твое решение немедленно. Она мне за ночь шесть раз звонила.

– Но я сейчас не могу уйти. Совершенно невозможно.

– Ничего страшного, я к тебе заеду. Это же минутка.

– Мне надо будет пропуск выписать... Хорошо, я тебя внизу встречу.

– Тогда жди через час. У тебя внутренний? Снизу позволю.

Леонид Саввич даже не успел все продумать и испугаться, как открылась дверь и зам по режиму – из всех людей именно он – впустил в архив Антонину.

– Принимай землячку, – сказал он. – Надо погостеприимнее быть.

– Спасибо, Тихон Анатольевич, – пропела Антонина. – Век буду вашей должницей. Приедете ко мне – шкурки подберем для вашей супруги.

Зам гоготнул и пошел кривыми ногами к двери.

– Какие еще шкурки? – Леонид Саввич был растерян. – И

как ты к нам пришла?

– Шкурки, потому что я твоя землячка, из Перми, у нас там звероферма, а я ее директор.

– Я же не из Перми!

– А ты побольше шуми, побольше!

– И ты ему шкурки пришлешь?

– Ты у меня первый среди чудаков.

– Может получится неудобно...

– Уже получилось.

Леонид Саввич вздрогнул. Он очень боялся потерять место. С дипломом Историко-архивного сорокалетнему мужчине трудно устроиться.

Антонина опустила на свободный стул напротив Леонида Саввича. Вынула из сумочки очки, не спеша надела их, и серые выпуклые глаза стали громадными, как у стрекозы.

– Ты меня подвел, – сказала она негромко. – Ох и подвел ты меня, зайчик!

Леонид Саввич стал доставать из-под стола кейс с альбомом, он был готов уже на все – только бы не вылететь из института.

Антонина снизила голос до шепота.

– Ты вчера не предохранялся?

– Как? – Вчерашний роман был покрыт дымкой древности.

– И я от тебя понесла. Будем рожать богатыря.

Среди мужчин сегодня еще существуют экземпляры, ко-

торые уверены, что о зачатии будущая мать знает в тот же день. Или допускают такую мысль.

Леонид Саввич относился именно к этим мужчинам. Кидая ему в лицо обвинение, Антонина ничем не рисковала.

– Я не понял, – сказал библиограф. – Разве так бывает?

– С тобой, суслик, чего только не бывает. Я с утра была у гинеколога, и он сообщил, что я изнасилована особо яростным самцом и теперь рожу богатыря – как две капли воды ты, мой зайчик.

– Ну ладно, ладно, – примирительно сказал Леонид Саввич. – Так не бывает.

– Это у твоей Сонечки не бывает... впрочем, не исключено, что я соглашусь на аборт. Скинемся по тысяче баксов?

Тут Леонид Саввич расплылся в улыбке. Как-то Сонечка делала аборт, раз в жизни. Он обошелся в десять раз дешевле.

– Улыбаешься? – грозно спросила Антонина и тут же сменила тон. Обвела взглядом длинные полки с папками и спросила: – Тут все записано?

– Да, все записано... – Леонид Саввич не успел переключиться, он все еще думал о цене аборта.

– И рост, и вес, и фотографии персонажей?

– Все, все! – И куда она клонит? Леонид Саввич уже начал понимать, что страстная любовница таит в себе серьезную угрозу его существованию.

– Ну, покажи, – сказала Антонина.

– Что покажи?

– Личное дело Владимира Ильича Ленина покажи.

– Невозможно, – сказал библиограф.

– Это почему так?

– Нет такого дела – тут целый кабинет, сотни дел! Это же вся жизнь нашего государства!

– Вот именно, – согласилась Антонина. – И что ты решил с марками?

– Я хотел бы их взять, но, конечно, не за ту сумму, которую ты назвала.

– А какую сумму я назвала?

– Две тысячи долларов, – прошептал Леонид Саввич. Их могли подслушать.

– Три тысячи, – ответила Антонина.

– Разве? – Он в самом деле забыл, ему казалось, что была названа меньшая сумма. Впрочем, это не играло роли.

– Ну, берешь? – спросила Антонина.

– Лапочка, – голос Леонида Саввича стал высоким, детским и беспомощным, словно он жаловался на пчелу, которая его укусила, – лапочка, у меня нет такой суммы.

– Сумму я ссужу, – сказала Антонина. – Когда будешь платить за аборт.

– Нет, я не могу себе этого позволить.

Тонкий нос библиографа покраснел, глаза стали щелочками – он чувствовал, что пропал. Все было ненастоящим. И марки, и любовь, и Алик за дверью номера...

– И что же, там есть его волосы, ногти, отпечатки пальцев? – спросила Антонина.

– Ты о Ленине?

– Разумеется. О нем, мой барбосик.

– Наверное, есть. Я же не изучаю его ногти.

– А есть, которые изучают?

– Антонина, не делай вид, что не понимаешь! – вдруг рассердился Леонид Саввич. – Совершенно очевидно, что за эти годы несколько докторских, не говоря о кандидатских, защитили о ногтях Ильича.

– Первый ноготь левой ноги, большой ноготь правой ноги...

– А вот смех твой опять же неуместен. Каждая молекула тела нашего вождя представляет неоцененный интерес для науки. Ты это понимаешь, но шутишь.

– Ну и покажи мне диссертацию.

– Какую?

– Допустим, по отпечаткам пальцев Ильича.

– Я не знаю, где лежат данные.

– Отыщи. Вон у тебя компьютер стоит.

– В него еще далеко не все занесено.

– А ты ищи, ищи. Хочешь коллекцию марок получить?

– Хочу.

– Хочешь снова надо мной надругаться?

– Зачем ты так... у меня к тебе зарождается чувство.

– Хочешь еще три тысячи баксов?

– Ну зачем тебе это?

– Я любопытная. Я прямо выкипаю от любопытства.

– Может, хочешь послушать записи голоса Ильича? Они у меня в открытом хранении.

– Отпечатки пальцев. И быстро.

– Антонина, я же сказал, что это невозможно.

Раздался тонкий требовательный сигнал.

Антонина вытащила из сумки мобиль.

– Да, – сказала она. – Это я, кто еще! Тебе что, пароль сказать? Ну то-то. Что? Работаю. Именно сейчас работаю. Патронов не жалею. Хорошо, отзвоню.

Она спрятала аппарат и, глядя громадными серыми полущариями на Леонида Саввича, сказала:

– Ты видишь, я не одна. Есть очень влиятельные люди, которые интересуются.

Именно в этот момент Леонид Саввич понял, что имеет дело с инопланетянами, с пришельцей. В любой момент она, как это обычно бывает в американских фильмах, сорвет с себя пластиковую маску, и взору Леонида Саввича предстанет страшная рожа космической завоевательницы, в которой от прежней красоты останутся лишь громадные серые выпуклые глаза.

Но показать свой страх, саморазоблачиться – нет, ни в коем случае.

Он имеет шансы выжить, только если они сами его не заподозрят!

И он еще имел с ней секс, как говорят американцы! Секс с инопланетянкой. А что, если теперь у Сонечки родится галактический вампир? «Нет, остановись, Леня, не суетись, возьми себя в руки. Можно ведь закричать, прибегут товарищи по работе...» А если их тоже расстреляют?

– Ты что? – спросила Антонина, нехорошо улыбаясь. – Забыл, где лежат отпечатки нашего вождя?

– Я не знаю...

– Думай, Леня, думай. Нашего решения ждут в высоких сферах.

Антонина ткнула пальцем в небо, и Леонид Саввич еще больше сжался – она и не считала нужным скрывать свое происхождение.

– Но отпечатки пальцев! – воскликнул он. – Почему отпечатки?

– Это наши проблемы, – ответила инопланетянка Антонина. – А ты наш добровольный помощник.

– Но я... это опасно.

– Для тебя уже ничего не опасно, зайчик. Для тебя только я опасна. И, может быть, Сонечка.

– При чем тут Сонечка?

– При том, что ей совсем не следует знать, чем ты занимаешься с залетной бабой в рабочее время.

– Но ты не посмеешь!

– Три тысячи за аборт – и молчу.

Она нагло расхохоталась, хотя глаза остались холодными.

И тогда Леонид Саввич дрогнул. Он посмотрел на компьютер. Конечно, можно попытаться, ничего не найти...

– Только не манкировать! – приказала Антонина. – А то я и еще чего могу вспомнить.

Леонид Саввич игнорировал ее слова. Он обернулся к компьютеру и приступил к поиску. Пальцы слушались плохо.

Прошло минут пять.

Антонина закурила, хотя курить в архиве было строжайше запрещено. На дым сунулся шеф по режиму, Антонина отмахнулась от него. Он ушел. «Видно, немало получил», – успел подумать Леонид Саввич.

– Ну!

– Боюсь, с него не снимали отпечатков пальцев, – сказал Леонид Саввич. – Ни в алфавитном указателе, ни в тематическом такой информации нет.

– Отойди, – сказала женщина.

Леонид Саввич поднялся.

Антонина села к компьютеру.

– Показывай, что у вас тут к чему.

Оказалось, что она в ладах с компьютером. Что было странно, если она заведует пушной фермой под Пермью, и совсем неудивительно, если она пришелец с дальней звезды...

«И неизвестного пола! А вдруг я согрешил? Вдруг я ударился в гомосексуализм? Но как спросишь? Лучше мучиться, чем спросить».

– Черт побери, – сказала Антонина наконец. – Твоя правда. Как же можно столько лет работать и не снять отпечатков пальцев! Может, враги утащили?

– Нет, – твердо сказал Леонид Саввич. – Я уверен. Антонина снова вытащила мобиль.

– Оскар, ты? – спросила она. – В институте нет его пальчиков. Что будем делать?...

С той стороны говорили долго. Антонина кивала, стряхивая пепел на пол. Леонид Саввич пытался увидеть в ней инопланетянку, но не был ни в чем уверен.

Наконец Антонина попрощалась с Оскаром, обернулась к Леониду и сказала:

– Придется снимать с мумии.

– Как так? – Леонид Саввич ничего не понял.

– А так – пойдем в Мавзолей и снимем.

– Ты с ума сошла!

– Нет. Ты пойдешь с нами и все для нас сделаешь.

– Ни в коем случае! Я на это не пойду!

– А как марку с маленькой буквой «ф» из чужой коллекции вынимать, это ты можешь?

– Какую марку?

– Леваневского.

* * *

Чтобы поднять уровень духа у Леонида Саввича, Антони-

на перед ночной операцией позвала его в номер, но пить не давала, а была деловита, шустро разделась, раскидав изящные вещи по узорчатому паласу, и торопила любовника. Леонид Саввич запутался в брюках, рассердился и вообще хотел одеться и уйти.

– Возьми себя в руки, птичка, – спохватилась Антонина. – Я ведь жертва эпохи. Все на ходу, обедаем бутербродами, спим в самолетах.

Она была похожа на нечто русалочье, гладкое и только из воды.

Она сладко потянулась и закинула за голову полные руки. Грудь дрогнула, всколыхнулась, и Леонида Саввича охватила страсть.

– Я понимаю, – сказал он, – бутерброд на обед...

На этот раз женщине удалось направить его в должное русло, и, прежде чем завершить акт, Леонид Саввич даже смог раззадорить жадную плоть Антонины Викторовны.

– Еще! – шептала, кричала, настаивала она, но «еще» не получилось, и Антонина оттолкнула любовника.

И на этот раз выпить ему она не дала, а сама приняла только сто грамм. Одевалась она ловко, как будто утром на службу.

– Не бойсь, – сказала она, – ничего дурного не произойдет. Оскар позаботится.

– Но мне-то зачем в Мавзолей? – спросил Леонид Саввич. – Я же не научный сотрудник.

- Но ты сотрудник института.
- Я не пойду на уголовщину!
- Ты одевайся, одевайся, – сказала Антонина. – Скоро машина придет.
- Нет!
- Значит, так, сдаешь обратно коллекцию, а на работу мы сообщаем, что ты спер ценную марку у несчастной вдовы.
- Нет!
- Застегни мне платье. Да не рви ты пуговицы!
- Вы можете все взять.
- Мы не можем все взять. Как я могу вернуть Сонечке твою честь и честь семьи? Хорош верный муж...

У Леонида Саввича голова шла кругом – буквально, а не в переносном смысле. Он взялся за край письменного стола – чуть не свалил телевизор. Антонине пришлось поцеловать его, приласкать, чтобы пришел в себя.

* * *

Институтский «рафик» остановился перед гостиницей. Там уже был зам по режиму и незнакомый Леониду доктор – оба в белых халатах. Алик передал белый халат Леониду Саввичу. Тому было неловко надевать его в движущемся автомобиле, но шеф по режиму настоял, чтобы тот натянул его прямо сейчас.

Окошки были затянуты шторками. Леонид Саввич как-

то ездил в этом «рафике» по делам, но обычно машину держали именно для проверочных рейдов к Кремлю. Там была аппаратура. В «рафике» было душно, пахло французскими духами Антонины. Леонид страшился, что сейчас в «рафик» заглянет охранник и увидит, что к Ильичу едут самозванцы.

Машина остановилась возле Спасской башни.

– Буль-буль-буль, – были слышны голоса снаружи. От открытого водительского окошка, за которым угадывался силуэт милиционера, тянуло жутким холодом. Сонечка знает, что он задержался на работе: сложный заказ, объявлена мобилизация всех сотрудников. Пришлось попросить зама по режиму, которого, как говорит Антонина, купили с потрохами, позвонить и подтвердить, что Малкин мобилизован. Все равно Соня не поверит.

Ну вот, сейчас откроется дверь и их попросят...

– Привет, – сказал водитель. Вроде бы водитель институтский, но их в институте несколько, трудно угадать.

Голос снаружи откликнулся. Вполне обыкновенно.

Поехали дальше.

Леонид Саввич все ждал, когда их поймают. Даже с надеждой – только бы кончился этот кошмар.

Мертвые души в каком-то космическом масштабе. За чем-то инопланетным агрессорам понадобились отпечатки пальцев вождя.

«Может, они желают воссоздать у себя такого же? Нет, это бред, бред, бред!»

Шеф по режиму, который не в первый раз в Мавзолее, усилил свет.

Внутренний часовой, убедившись, что это на самом деле сотрудники института, вернулся к чтению.

Новые солдаты уже не были столь верующими, как их старшие братья. Мумия не вызывала в них душевного трепета, скорее она ассоциировалась с американскими фильмами «ужасов». В охране рождался фольклор, где мумия Ильича выступала в ролях неприятных, зловещих, но не сакральных – мертвец как мертвец. К мертвецам в России западного уважения нет.

В центральной камере Мавзолея часовой читал роман Рекса Стаута, пронесенный кем-то из его предшественников и ставший как бы переходящим призом для долгого ночного дежурства.

Роман был интересным, толстяк Ниро Вульф проявлял чудеса сообразительности, его шустрый помощник с ног сбился...

Часовой все же поглядывал на сотрудников института – они проводили проверку трупа. Работа ответственная, но тоскливая и не очень приятная.

Когда они подняли прозрачную крышку саркофага, подземный зал наполнился неприятным лекарственным запахом, смешанным с запахом тления. Что, конечно, было лишь фантомом, ведь ничего органического в Ленине не осталось – сплошной пластик. Но никуда от тления не денешься. Та-

кова наша жизнь...

Сотрудники были молчаливы. Один из них, черный, кавказской или еврейской национальности, проверял пальцы вождя. И в этом тоже не было ничего удивительного – часовой знал, что проверяют по очереди разные части тела.

Их было трое. Но часовой только одного знал в лицо – он уже сюда приезжал.

Они же все в белых халатах и матерчатых масках на поллица – боятся занести микробы.

Зазвонил телефон – внутренняя связь.

Спрашивал начальник караула. Обычный звонок. Нет ли происшествий?

– Происшествий нет, – ответил часовой. – Сотрудники Института специальных биологических технологий, согласно плану, проводят проверку тела.

– Погоди, погоди, – сказал начальник караула. – Разве сегодня от них должны приезжать? Они же на той неделе были?

– Да нет, приехали, – сказал часовой. – Вон тут, работают, проверяют.

– Дай-ка мне ихнего старшего, – велел начальник.

Часовой позвал старшего.

Старшой подошел.

– Внеплановая проверка рук, – сказал старшой. – Есть опасения, что под ногтями мог завестись грибок. Откуда? А мне-то зачем знать? Я снимаю образцы.

Господи, думал Леонид Саввич, глядя на зама по режиму,

который говорил так легко и непринужденно, словно обсуждал на профсоюзном собрании проблему недоплаты членских взносов.

– Да вы позвоните к нам в институт, – сказал зам по режиму. – Телефон известен? Вот и звоните. Спросите Тихона Анатольевича. Это наш зам по режиму. Он подтвердит.

«Что вы делаете! – закричал было Леонид Саввич. – Это же ваш телефон!»

Но кричать было нельзя.

– Нормально, мы уже сворачиваемся, – сказал зам по режиму.

Он вернул трубку часовому и сердито сказал остальным:

– Да поворачивайтесь вы, поворачивайтесь! Товарищи недовольны!

Леонид Саввич не отрывал взгляда от часового, потому что тот не выпускал из руки трубку, слушал какие-то указания, кивал, и библиограф отлично понимал, что подозрительный начальник караула так и не успокоился.

Он хотел сообщить об этом заму по режиму, который подошел к незнакомому сотруднику, тому самому, который снимал с мумии Ленина отпечатки пальцев. Но зам по режиму не смотрел на Леонида Саввича.

А дальнейшее произошло так быстро, что Леонид Саввич не запомнил последовательности событий.

Для начала часовой ахнул и начал опускаться на пол.

За его спиной стоял доктор с пистолетом в руке, которым

он и оглушил часового.

– Ах! – воскликнул Леонид Саввич. – Что вы делаете! Это безумие! Нас всех расстреляют!

Но тут же он потерял сознание, потому что зам по режиму, имевший опыт боевых действий в Афганистане и Анголе, ударил его по голове. Не очень сильно, в центр лысины, но достаточно, чтобы отключить сознание такого некрепкого человека, как библиограф.

Поэтому дальнейшие события происходили без участия Малкина.

Он не видел, как преступники, сбрасывая и сворачивая на ходу белые халаты, выбежали из Мавзолея.

Машины, похожей на институтский «рафик», перед задним входом в Мавзолей уже не было. Оказывается, она уехала, как только выгрузила сотрудников. Отсутствие машины сразу лишило участников налета возможности погоняться по Москве наперегонки с милицией, но это их не обескуражило.

Они спокойно разошлись в разные стороны, неся ненужные халаты в пластиковых пакетах, от которых нетрудно отделаться.

Сотрудника, который снимал отпечатки пальцев с Ильича, встретила у Царь-пушки эффектная крепкая дама, которой он незаметно передал трофеи.

Но оказалось, что эта предосторожность была излишней. Их никто не задержал, и они покинули Кремль раньше, чем

были перекрыты все входы и выходы.

Между тем возле саркофага вождя были обнаружены часовая в бессознательном состоянии, который очнулся только к вечеру в госпитале, и библиограф Института специальных биологических технологий Леонид Саввич Малкин, который уже пришел в сознание, но его показания, данные следователю спецпрокуратуры, были весьма сбивчивы и нелепы.

На первом допросе Малкин заявил, что ничего не помнит, ничего не знает, попал в Мавзолей случайно.

Но против него были как показания очнувшегося часового, так и мешочек, найденный во внутреннем кармане пиджака Малкина при досмотре. В мешочке обнаружился пряди волос вождя.

Несмотря на путаницу в показаниях библиографа, следствие быстро пришло к выводу, что, действуя в составе преступной банды, Малкин намеревался осквернить тело вождя, возможно, с корыстной целью торговли его волосами среди паломников.

Когда же наконец Малкин раскололся и начал давать новые показания, они были настолько безумны, что следователь с трудом сдерживал саркастический смех.

Малкин сообщил, что некая дама по имени Антонина подсунула ему коллекцию марок – альбом в американском кейсе от одного покойника. Затем, под предлогом деловых переговоров, соблазнила его в гостинице «Украина» и попросила достать для нее в картотеке отпечатки пальцев

Ильича. Когда таковых в картотеке не обнаружилось, она включила его в группу захвата во главе с заместителем директора института по режиму, полковником в отставке, чтобы снять отпечатки пальцев вождя прямо в Мавзолее, что и было сделано. А потом он получил удар по голове и ничего больше не помнит. Никакой бороды у мумии он не отрывал и до кудрей не дотрагивался, и явно, что все это подложено ему в карман замом по режиму или неизвестным доктором.

При проверке обнаружилось, что Малкин лжет во всем – большом и малом.

Во-первых, в гостинице «Украина» дама по имени Антонина на третьем этаже (номер комнаты Малкин не запомнил) не останавливалась, зам по режиму в тот день не покидал своего кабинета, так как готовил доклад для отчета на городском слете ветеранов Ангольской войны с Южно-Африканской Республикой. Даже «рафик» простоял весь день на профилактике.

Никакого альбома с марками дома у Малкина не обнаружили; а если бы обнаружили, ничего бы это не изменило. На самом деле альбом Соня спрятала у своей сестры, полагая, что деньгами в наши дни не разбрасываются.

Но главное, что решило судьбу Малкина, – это была история с отпечатками пальцев.

Кому и зачем могут понадобиться отпечатки пальцев мумии?

Выдумка Малкина была неправдоподобной и даже оскор-

бительной для следствия.

Разумеется, его отправили на психиатрическую экспертизу, где обнаружили букет неврозов, но не зафиксировали никаких существенных отклонений от нормы.

Это возвратило следствие к первоначальной версии – корыстная попытка торговать волосами мумии.

Суда, конечно же, не было. Такой суд был бы на руку желтой западной прессе и отечественным демократам.

Малкин получил три года административной ссылки, которой у нас не существует. Где он, как он, не известно никому, кроме тех, кому положено об этом знать.

Соня за ним не поехала. Она дважды встречалась с сослуживцем Искателевым, тоже филателистом, показывала ему альбом, но не с целью продажи, а чтобы узнать, что же соблазнило ее несчастного мужа. Искателев указал ей на блок, но усомнился в его подлинности.

Когда Антонина вернулась из Кремля, она позвонила Бегишеву.

Оскар сказал:

– А ну дуй на Петровку, 38, Семенов предупрежден. Его человек в два тридцать будет ждать в проходной.

А ночью, отласкав Антонину и отдыхая с бокалом шампанского в руке (Оскар не засыпает без шампанского), он сказал Антонине, которая терпела и не задавала лишних вопросов:

– Проверили. Отпечатки совпадают.

– Какое счастье! – ответила Антонина.

Глава 1

Осень 1991 г

Каждый человек с возрастом теряет живость ума, память, способность оплодотворять ткань муравейника, называемого человечеством. Но к девяноста годам можно превратиться в сорное растение, а можно остаться обыкновенным профессором и просто талантом, если еще двадцать лет назад ты был талантом выдающимся.

Сергею Борисовичу Завадскому было почти девяносто лет от роду, позади – шестнадцать лет лагерей (в два приема), три инфаркта, больная печень, приступы меланхолии... Сергей Борисович – человек одинокий и объективно несчастный – существовал на этом свете не для завершения жизни, а по праву активной в ней необходимости. Было очевидно, что, когда он рухнет – умрет, улетит, растворится в воздухе, – это станет глубокой печалью для некоторых людей, включая Лидочку Берестову.

Одиночество Сергея было очевидно. Оно выражалось в запущенной, заваленной книгами пыльной квартире, где жили он сам, древний кот без имени и половины хвоста и странный приживальщик – подобранный где-то или полученный в наследство старик по имени Фрей. Кота и Фрея днем не было видно, и большинство посетителей Сергея даже не по-

дозревали об их существовании. Лидочка удивилась, впервые увидев Фрея – низкорослого, нервного, лысого человека, не выносящего прямого человеческого взгляда. Галина – жена Сергея была тогда еще жива – отмахнулась от возникшего в дверях кухни и растворившегося в тени коридора приживальщика и произнесла надтреснутым благородным голосом:

– Не обращайтесь на него внимания, Лидочка. Он уже безвреден.

С тех пор прошло несколько лет. Тяжело и в тоске умерла Галина, которую страшила не столько собственная мучительная кончина, сколько беспомощность и одиночество мужа. Они встретились с ним под Магаданом и прожили в нежной любви почти сорок лет. Порой к Сергею забегала пожилая дочка. Она приносила полкило яблок и насиловала стиральную машину. Еще реже появлялась внучка, которая ничего не приносила, но нуждалась в деньгах, потому что содержала бездарного и наглого гитариста из ансамбля «Варианты».

Пока жила Галина, за Сергеем был уход и в доме царила строгость. Вдовствуя, Сергей одряхлел и даже усох, а кожа повисла на нем, как на шее черепахи.

И все же он остался чудесным педиатром.

...Вот он входит в переднюю пациента и начинает, стараясь не кричать, раздеваться, а у малыша уже снижается температура. Он появляется в дверях комнаты, и при виде док-

тора микробы разбегаются из тела больного, тут же пропадает сыпь, спадает опухоль в горле и исчезает кашель.

Сергей усаживается у постели и строго спрашивает:

– На что будем жаловаться, бездельник?

И страдалец отвечает, давясь от смеха:

– Я не бездельник, я только болею.

Сергей не велел давать своего телефона чужим людям. Ему уже было трудно ходить по визитам, спотыкаясь и скользя по тротуарам запущенной, грязной Москвы. Но все равно матери и бабушки детей, которым не мог помочь никто другой, раздобывали телефон, а то и адрес, приезжали на такси, совали ему на прощание в карман конверт с деньгами и, как правило, на радостях забывали заказать такси на обратную дорогу.

Кроме того, Сергей заседал в «Мемориале», выступал с лекциями и написал чудесную книгу воспоминаний о бесконечно тяжелой и мертвой лагерной жизни. В каждой новелле Сергея далеко, в уголке обложенного ночными тучами неба, горела маленькая звездочка надежды. И это выделяло его новеллы среди всех прочих лагерных воспоминаний.

Лидочка заходила к Сергею – они соседствовали: Лидочка жила в восьмиэтажном кирпичном доме, а он – через переулок, в оставшемся по недосмотру особнячке, вернее, половине особнячка. Вторую половину заняла фотолаборатория какого-то ведомства, вечерами и ночью превращавшаяся в вертеп и одновременно кузницу левых денег. В зашто-

ренной просторной, ослепительно освещенной бывшей гостиной особняка два патлатых жулика снимали глупых крикливых девиц для листков «Все о сексе», «Любовь для вас», «Анюта», «Обними меня правильно» и «Сексуальное большинство». В двух маленьких, освещенных красными лампами комнатах пленки тут же проявлялись и печатались. Так что перед уходом после смены девицы извивались от хохота или притворного возмущения при виде собственных ляжек и грудей. Потом обыкновенные, как текстильщицы с ночной смены, они бежали на последний автобус.

Лидочка не представляла, какого размера и планировки была квартира Сергея, хотя раньше думала, что она невелика и в ней помещаются лишь книги, которые нехотя уступают место хозяину, их единственному читателю.

Известная ей часть квартиры начиналась с махонькой прихожей, потому что парадный вход достался фотографам, а Сергею – черный. Справа от нее была комната Сергея, прямо – узкий коридор вел к уборной и кухне с выгороженной в ней ванной. Где-то там и пряталась вторая комната, или закоулок, где таился Фрей и куда порой уходил Сергей за понадобившейся книжкой, но туда Лидочку не приглашали.

Обособняк все грозились то снести, то приватизировать, то превратить в памятник архитектуры. Но Сергей надеялся, что доживет в нем до конца своих дней. Они вселились туда с Галиной, как только возвратились из ссылки, и потому для Сергея особнячок был больше чем квартирой, жилпло-

щадью.

Сергей был особенно хорош, когда собирался народ и он держал стол или концентрировал внимание черни в роли Великого Старца. Но Лидочка почти не бывала на таких сборах, она любила его другим – тихим, старым, грустным и мудрым. На мягких дрожках его прозрачной памяти она уезжала в иные края и времена, забывая порой, что в пределах нашей цивилизации Сергей Борисович был не так уж и стар – даже революцию семнадцатого года почти проморгал, потому что увлеченно учился на первом курсе медицинского института. Но, как ни парадоксально, исковеркав жизнь Сергея, ее в то же время бесконечно удлинители лагеря и тюремные скитания. Он впервые попал в тот мир в начале тридцатых годов, когда в ГУЛАГе значительную часть составляли бывшие эсеры, кадеты, чистой воды белогвардейцы, дворяне и всякий чуждый элемент. Молодой доктор медицины оказался на нарах рядом с убеленными сединами графами и полковниками, и они поверили ему свое прошлое. Сергей, как мог, врачевал своих рассказчиков, а они и не подозревали, что имеют дело с чудом природы, память которого фотографична и прочна. Жаль, что никто из них не мог предположить, что этот Сережа будет жив и через шестьдесят лет и пронесет в себе их воспоминания, их мысли, клочки их несбывшегося бессмертия.

– Я утверждаю, – говорил он, подвинув к себе полную пепельницу и гася в кучу окурков половинку сигареты, – что не

только моральные качества людей начала века, не только их умственный уровень, но и научные знания зачастую превосходили наши. Не отмахивайтесь, Лида, вы еще слишком молоды, чтобы сравнивать содержание поколений на собственном опыте, доверьтесь моему.

– Значит, атомную бомбу изобрел один алхимик из Саксонии, – сказала Лидочка, – а рентгеновские лучи придумал Вася, который крикнул своей жене, что видит ее насквозь.

– Ирония – оружие слабых, – ответил Сергей. – Вчера приходил английский издатель и подарил мне бутылку виски. Откупорим?

– Нет, вы же надеетесь сохранить ее до дня рождения.

– Не удастся. Завтра из «Мемориала» ко мне привезут мальчиков – приехали дети испанских республиканцев. Вы, конечно, не знаете, как в тридцать восьмом их спасали от ужасов фашизма?

Лидочка помнила, как и кого спасали от фашизма, но ее больше интересовал прогресс науки.

– Отказывая ученым в движении вперед, вы признаете знахарей? – упорствовала она.

– Знахарей сегодня втрое больше, чем в дни моей молодости. Тогда лечили, потому что не было сомнений в идеологической альтернативе. Либо вы поклонялись Богу, но втайне, либо мамоне, в лице большевиков, и явно. А сегодня богов стало немыслимо много. Можно поклоняться летающим тарелочкам, барабашкам, воде, заряженной колдуном со зва-

нием кандидата медицинских наук, астрологам. Вольному идиоту – воля!

Сергей закурил вновь.

Вошел Фрей в шелковом черном халате, подпоясанном армейским ремнем. Лидочка поздоровалась. Он не ответил, взял пепельницу и унес.

– Не обижайтесь, – сказал Сергей. – Фрей сегодня в плохом настроении. Он вычитал что-то мерзкое в любимой газете «Правда». Он принимает близко к сердцу парламентские перипетии и радеет за судьбы русского народа.

– Еще бы, – согласилась Лидочка. – Какое счастье, что я неграмотна.

Фрей услышал ее реплику из коридора, вернулся к двери и произнес:

– Это ложь. Я видел, как вы на днях читали. Именно в этой комнате, гражданка!

И, укорив таким образом Лидочку, он удалился, не ожидая ответа.

Сергей хотел стряхнуть пепел, но не нашел пепельницы и высыпал его в ложечку ладони.

– Мне приходилось сидеть с медиками, с физиологами, гипнотизерами, астрологами и провидцами. Но перед миской с баландой они теряли свои профессиональные качества. Потому что все они были самозванцами и не выдерживали испытания на искренность таланта.

Вернулся Фрей с пустой пепельницей и, укоризненно

взглянув на Лидочку, так же бесшумно удалился. Почти сразу из глубины квартиры, которой по архитектурным законам и быть не должно, донеслась фортепьянная музыка. Кто-то ученически, но правильно играл «Аппассионату».

– Это Фрей? – спросила Лидочка.

– Он вообразил, что станет музыкантом. Что еще успеет выучиться.

– Он давно у вас живет?

– Давно. – И разъяснений не последовало. Лидочке ничего не оставалось, как ждать продолжения рассказа. И она спросила:

– Вы не устали?

– Нет, я отдыхаю с вами. Для меня теперь люди делятся на две категории. С одними я устаю, напрягаюсь и жду лишь, когда общение закончится. С другими отдыхаю, не замечая, как течет время.

– Я тоже.

Сергей улыбнулся, погасил сигарету, и Лидочка с ужасом поняла, что в пепельнице уже лежит несколько окурков, хотя Фрей принес чистую пепельницу лишь десять минут назад.

Музыка за стеной оборвалась, и тут же снова пришел Фрей. Он держал на руках черного с белой грудью полухвостого кота, и тот норовил задними лапами разодрать Фрею живот.

– Суп разогревать? – спросил Фрей.

– Как хочешь, – сказал Сергей. Было видно, как ему хо-

чется пооткровенничать. Но судьба была сильнее – тут же в дверь позвонили, и пришла быстрая, суетливая и будто бы заботливая внучка Сергея. Фрей ее приходу был не рад, а Сергей сразу забыл о Лидочке и пошел с внучкой на кухню.

– Как вы полагаете, в каком году начнется война за Крым? – вдруг спросил Лидочку Фрей.

Она не знала, будет ли такая, и очень ее не хотела. Но догадалась, что таким образом Фрей выживает ее из дома. Она заглянула на кухню, попрощалась с Сергеем. Он помахал Лидочке рассеянно. Он влюбленно смотрел на внучку. Лидочка подумала тогда, что больше к нему не придет. Зачем?

Он позвонил на третий день и заманил ее детской просьбой:

– Возле вас, Лида, есть киоск. Там еще продают горячий лаваш?

* * *

– Мне хочется поделиться с вами своим прошлым, – сказал Сергей. – Я мало написал, понимая, что моими коллегами это будет воспринято скептически. Меня слушают только из общепринятого уважения к моей судьбе. А я этого не терплю. Теперь же я понял, как близка моя смерть... не машите на меня руками, я лучше знаю.

В коридоре что-то упало, ахнул, выругался высокий голос. Сергей замолчал, прислушиваясь.

Вошел Фрей и сказал от дверей:

– Может, не стоит об этом рассказывать?

Сергей смерил Фрея суровым взглядом, каким хозяин глядит на нагадившего кота, и неожиданно спросил:

– Ты кофе купил?

– А вы знаете, сколько ваш кофе теперь стоит, а?

Усики Фрея напыжились, торчали щеточкой под коротким носиком. Он стал похож на гневного Ленина. Правда, тонкий шрам, вертикально пересекавший правую бровь, нарушал сходство.

– У нас кончились деньги? Тогда возьми доллары, – сказал Сергей.

– Ах, оставьте! – воскликнул Фрей. – Сделки в валюте противозаконны.

Оттолкнув Фрея, в дверях появилась легко одетая девушка из породы тех, что фотографировались на другой половине особняка. Непонятно только было, каким образом она проникла в квартиру Сергея. «Неужели половинки соединяются неизвестной мне дверью?» – подумала Лидочка.

Девушка поздоровалась небрежно, словно она была здесь хозяйкой, а Лидочка с Сергеем – случайными докучливыми посетителями.

Затем она прошла к стулу, сняла с него и положила на пол стопку книг и уселась, закинув ногу на ногу. Девушка была очаровательна, но банальна, а раскрашенное кукольное личико портила слишком упрощенно понятой модной причес-

кой – пониכים рыжим коком, схожим с горбом голодного верблюда. Зато ее ноги были совершенными архитектурными сооружениями, двумя перевернутыми Эйфелевыми башнями в черных чулках. «Как жаль, – подумала Лидочка, – что я не принадлежу к мужскому племени и могу оценивать нижние конечности гости лишь как энтомолог». Тем не менее свои ноги, вполне стройные и прямые, она упрятала под стул. Девушка заметила это движение и победоносно приподняла юбку, чтобы ни один миллиметр бедер не скрылся от всеобщего лицезрения.

– Женька, – взмолился Сергей. – Не соблазняй нашего Фрея. Ему же горько.

– Пусть заплатит по-человечески и имеет меня хоть всю ночь, – ответила Женька, а Сергей сообщил Лидочке:

– Этот выдающийся образец белой женщины не столь глуп, как может показаться. Трудно поверить, Лида, но Женька окончила Плехановский институт.

– Плешку, – поправила Сергея девушка. – Академию.

– И теперь заведует отделом снабжения в одном русско-китайском совместном предприятии.

– Я только что из Шанхая, – поведала Женька Лидочке. – Там сервис обалденный.

Голос у нее был низкий и звучал престононародно. Она извлекла из большой мягкой сумки пачку «Галуаз» и кинула на журнальный столик под нос Сергею. Сергей не обиделся.

– Спасибо, – сказал он, – за ребенком пришла?

– Я его на недельку возьму. Мать из Саратова приехала и базлает: где дитя? Надо демонстрировать материнскую любовь.

– Я не отдам, – возразил Фрей. Он стоял в дверях. – Она его консервами кормит. У ребенка диатез.

– А сам куда детское питание дел? Голландские бутылочки куда дел?

– Как ты могла заподозрить, дешевка! – Фрей был возмущен. Даже лоб вспотел.

– Принеси ребенка, – велел Сергей.

Фрей ушел. Лида ожидала, что он вернется, но вместо него появилась, застегивая блузку, еще одна девица, запущенная как привокзальный сквер. Ее прическа была заимствована у нестриженого пуделя, зато ноги начинались от ушей.

– Слушайте, лабухи, – проскрипела новая девица, – курить у кого найдется?

Женька дала ей закурить, пришел Фрей. Он бережно нес на руках младенца. Младенец был в розовом стеганом пакете, в белом чепчике. Чистый, невинный, прекрасный, он тихо дышал, надув нежные губки.

– Нет у меня молока, – сердито ответила Женька на невысказанный вопрос Фрея. – Откуда ему взяться?

– Давай я покормлю, – сказала вторая девица, которую звали Ларисой. И Фрей передал ей младенца. Тот проснулся и стал сосать грудь. Обе девицы курили, что вредно для

детей. Лидочка знаком показала Сергею, чтобы он велел им бросить сигареты. А тот лишь улыбнулся. Тогда Лидочка сказала, что ей пора идти.

Перед уходом Лидочка прошла коридором в туалет. Дверь во вторую комнату была приоткрыта. Она заглянула в щель. Комната была невелика и пуста, если не считать аккуратно застеленной сиротским одеялом девичьей кровати, школьного стола и венского стула: жилище Фрея было аскетическим и тоскливым. Оживляли комнату лишь две детские колясочки. Одна была пуста, во второй спал младенец.

* * *

Сергей сам позвонил Лиде. На работу. Худред Гурский, отпустивший кривую бороду и политически склоняющийся к прогрессивным националистам, сказал, передавая Лидочке трубку:

– Предупреждаю, сейчас развелось много сексуальных ма-
ньяков. Насмотрятся американской порнухи и готовы бро-
саться на русских блондинок.

– Какое счастье, что я шатенка, – ответила Лидочка.

– Куда вы пропали? – спросил Сергей. – Мне бывает скуч-
но без вас. Знаете почему? Вы умеете слушать. А в наши
дни, да еще в моем возрасте, отыскать слушателя, а тем бо-
лее прекрасную слушательницу, почти невозможно.

Лида поняла, что ввело в заблуждение Гурского: голоса

старятся вовсе не вместе с людьми. У них своя жизнь, свой возраст и своя старость. У Сергея был воркующий баритон соблазнителя в расцвете лет.

Сергей сварил чудесный кофе – оказывается, он получил гонорар банкой «Нестле» в семье демократического министра, который часто обменивается опытом с Западной Европой. Фрей был тут как тут, еще более похожий на Ленина, чем обычно, потому что начал отпускать эспаньолку. Пока что она была лишь пегим пятном, приклеенным к подбородку. Свою чашку он унес на кухню разбавить кипятком, потому что, по его словам, берег сердце.

– Мне показалось, что вам не понравились мои юные приятельницы, – сказал Сергей. – Этим вы нас с ними огорчили.

– И их огорчила? – спросила Лидочка не без иронии.

– Разумеется, – Сергей был искренен, – вы не можете не понравиться. К тому же они почувствовали к вам глубокое уважение.

Его дипломатия была наивна, но разоблачать ее было жестоко.

– Они фотографируются у ваших соседей?

– Допускаю, что Лариса там подрабатывает. Женя уже самостоятельна. Но им некогда должным образом заботиться о детях.

Лидочка помолчала, выражая сочувствие к суровой судьбе девиц.

– Вы задавались вопросом, какого черта я держу в доме

их младенцев? И при чем тут мой Фрей?

– Это ваше дело.

– Все несколько сложнее, – начал было Сергей, но не успел, потому что в комнату ворвался Фрей.

– Я категорически против, чтобы возвращать Мишеньку Ларисе, – заявил он с порога. Он держал в ладонях большую кружку с разбавленным кофе. – Вы же знаете, у нее однокомнатная квартира с постоянным развратом. Вот именно, с развратом!

К тому же Фрей и картавил. Когда у него отрастет борода, то на улицу его больше нельзя будет выпускать – какие-нибудь новые «красные» сделают его своим лидером. Лидочка хотела сказать об этом, но спохватилась, что такая шутка может быть Фрею неприятна.

– Не вам это решать, – сказал Сергей.

– А вот это мы еще посмотрим, голубчик! – патетически воскликнул Фрей.

– С вашим-то здоровьем?

– Получше вашего!

– Вот зачем вы стали отращивать эспаньолку! Хочется в большую политику? – Сергей засмеялся, а Фрей, прикрываясь кружкой, отступил в коридор и оттуда, из сумрака, крикнул:

– Вы еще пожалеете, что позволяете себе иронизировать! Я ничего не прощаю.

К удивлению Лидочки, Сергей произнес фразу, что вер-

телась у нее в голове:

– На улицу его сейчас выпускать опасно. Его поставят на БТР, чтобы он призывал к новой революции.

Лидочка засмеялась, потом решила спросить:

– А как он к вам попал?

– Он давно здесь живет, – сказал Сергей. – Я сам его отыскал, когда вернулся из ссылки. И хорошо, что успел – он бы там погиб.

– Где?

На этот раз ворвавшийся в комнату Фрей был ужасен: красный, потный, клочки пегих волос дыбом из-за ушей, он держал, замахнувшись, кружку. Та вздрагивала, готовая полететь Сергею в голову.

– Я прошу, умоляю, требую, наконец, прекратить эти грязные сплетни, которые не делают вам чести, товарищ!

– Здесь решаю я! – воскликнул Сергей, пытаясь подняться и поводя в воздухе костлявым указательным пальцем.

– Ах ты! – Фрей запустил-таки кружку в своего благодетеля, а тот, потеряв с возрастом реакцию, не успел отклониться, и кружка, пролетая в угол комнаты, обдала его горячим кофе.

Сергей зажмурился, отшатнулся, а Фрей петухом закричал:

– Так будет с каждым, кто осмелится поднять руку!

И кинулся прочь из комнаты.

К счастью, Сергей не обжегся. Он открыл створку платя-

ного шкафа и, зайдя за нее, достал чистую сорочку. Раздеваясь, он говорил:

– Ошибочно думать, что жизнь – это линия, подобная пологой волне. Будто человек растет, умнеет, а потом медленно или быстро катится под уклон, к смерти. На самом деле физиологически каждый из нас стремится к замкнутому кругу. Недаром народная мудрость придумала выражение: впасть в детство.

Сергей повесил мокрую сорочку на дверцу шкафа и принялся надевать другую. Лидочка его не видела, лишь порой над дверцей взлетал рукав сорочки или проплывала сухая рука старика.

– Я утверждаю, что старость – это неудачное повторение детства. Порой мне смешно глядеть по телевизору на древних аксакалов, которых сажают в первом ряду национально-го митинга как свидетельство коллективной политической мудрости. Чепуха! Лучше посадите там детский сад. Эти старики уже в молодости были самыми глупыми в ауле или кишлаке, а в зрелости стали ничтожествами – иначе бы им не укрыться от жестокой судьбы, не выжить. Они были серенькими и уцелели. А теперь в них не осталось ничего, кроме старческого чревоугодия и желания запретить все, что им недоступно.

Сергей выглянул из-за дверцы. Он застегивал сорочку.

– Если мы примем мой тезис как основание для гипотезы, – продолжал он, лукаво улыбаясь, – то любопытно поис-

кать, нет ли реальных средств помочь человеку снова стать младенцем не только в частностях, но и в целом.

– Зачем? – спросила Лидочка.

– Во-первых, потому что это интересно. То есть научно. Во-вторых, это поможет бороться с некоторыми болезнями, например...

– Вы шутите! Признайтесь, что вы шутите.

– Разумеется, каждый биолог закричит, что это – чепуха!

А я останусь при своем мнении.

– Но почему?

– Потому что такой феномен я планомерно искал несколько десятков лет, наблюдал и фиксировал.

– И в чем же он заключается?

– Как ни странно, я в самом деле нашел гормон, ответственный за этот процесс. Итак, я знаю, что явление существует, я знаю, чем оно вызвано, но, правда, мои возможности этим и ограничиваются...

– Кроме того, вы научились взглядом разгонять облака и заряжать воду в реке Волге, – съязвила Лидочка. Она не выносила шарлатанов, которых столько развелось вокруг, и сочла слова Сергея изысканной, но далеко зашедшей шуткой.

– К сожалению, я не шучу, – сказал Сергей, – но понимаю, что мое открытие опасно для человечества не менее, чем атомная бомба.

– Разумеется, – все еще не сдавалась Лидочка, – нет ничего опаснее, чем омолодить Ленина, чтобы он снова взялся

за Октябрьскую революцию.

Лидочка ожидала, что Сергей наконец-то рассмеется, но натолкнулась на такой напряженный взгляд старика, что осеклась. И непроизвольно посмотрела на дверь, уверенная, что увидит Фрея, в котором давно уловила тревожащее сходство с Лениным.

В дверях никого не было. Издали донесся плач младенца, потом на фортепиано заиграли гамму.

Лидочка отвела взгляд. Под журнальным столиком лежала погремушка. Сергей закрыл шкаф. На нем была голубая сорочка. Он медленно, словно преодолевая сопротивление суставов, опустился на диван.

– Здесь перепутаны причина и следствие, – непонятно сказал он.

Почему-то для Лидочки было облегчением, что Сергей не стал признавать немыслимого тождества. Она была согласна выслушивать любые фантастические гипотезы, только бы самой не заглядывать за пределы здравого смысла.

– В этом нет никакой мистики, – сказал Сергей, – если не считать мистикой непознанные возможности наших тел. Подумайте: медицине известны многочисленные случаи мгновенного или почти мгновенного поседения. Помните? «Утром он проснулся седой как лунь». А что это означает? Организм, огорченный потерей или испытавший страх, дает приказ волосам потерять пигмент. И каждая из миллионов клеток избавляется от пигмента. Неужели это чудо физиоло-

гии вас не потрясает?

– От него до омоложения – громадная дистанция.

– Никакой дистанции! Механизм этого явления тождествен тому, что может замкнуть цепочку: рождение – младенчество – старость – младенчество, где второе младенчество заменяет собой смерть. Вы читали о том, как в Африке люди, проклятые колдуном, в ту же ночь умирали? Это явление аналогичного порядка: приказ мозга и мобилизация всех систем организма.

– Значит, можно приказать старческому телу: омолодись! – Лидочка вдруг поняла – ее собеседник безумен.

– И клетки его послушно и скоро изгонят из себя продукты старения, сделают сосуды вновь эластичными, глаза – зоркими, суставы – гибкими. А что в этом невозможного? – спросил Сергей.

– Только то, что этого не может быть. Жизнь необратима!

– Главное – поверить в очевидное, то есть видимое очами, а потом уже делать выводы. Когда я впервые, молодым врачом, столкнулся с этим феноменом, мне было еще труднее, чем вам. Но я поверил. И доказательства – в соседней комнате.

Лидочке показалось, что в глазах Сергея, как говорится, зажегся безумный огонь. Что теперь? Спасаться?

– Разные организмы в различных обстоятельствах обретают либо теряют такие способности. Все зависит от способности мозга повелевать функциями тела. А эти способности,

как оказалось, безграничны. Моя же роль скромна. Я, зная, что и где искать, могу помочь телу.

Музыка за стеной оборвалась.

– Возьмем сына Евгении, – сказал Сергей. – Мальчику уже шестой год. Но он лежит в колыбельке. Физически ему меньше полугода.

– Вы хотите сказать, что проводите опыты над людьми? Я вам все равно не верю!

– Почему?

За дверью затопали.

– Он – чудовище! – закричал, как всегда останавливаясь в дверях, Фрей. – Вы читали роман Гюго «Человек, который смеется»? Компрачикосы! Вот именно! Кто дал вам право, чудовище, ставить эксперименты на людях?

– Вы ставили эксперименты над страной, Владимир Ильич, – ответил Сергей. – По какому праву вы делали это?

– Не смей! – замахал руками Фрей. – Забудь мое имя. Я не хочу, чтобы меня убили. Ищейки еще бегут по следу!

Казалось, что он отбивается от роя пчел.

– Я не убийца, – сказал Сергей. – Этот мальчик не может расти. С его болезнью дети не дотягивают до года. И конец. Я же удерживаю его в младенческом состоянии, ибо, как только его организм перешагнет через границу, соответствующую развитию годовалого ребенка, он умрет.

– И сколько же вы намерены продолжать... эту пытку?

– Вы сама чувствуете, что пытка – неточное слово. Ребе-

нок не мучается. Я же жду, когда будет изготовлено лекарство от его болезни.

– А если это случится через сто лет?

– Будет решать мать.

– У вашей Женьки в голове солома! Неужели вы на самом деле доверяетесь ей? – Фрей был возмущен.

– Я слежу за исследованиями, – сказал Сергей. – И убежден, что результаты будут получены уже в ближайшие годы.

Говорил Сергей нехотя, словно этот диалог повторялся не впервые и Сергею не удавалось убедить самого себя.

– Там есть второй ребенок, – произнесла Лидочка. – Это тоже неизлечимая болезнь?

– Нет, другая проблема. Тот ребенок не может стать большим, он не хочет.

– Вы шутите?

– Возможно, в один прекрасный день я его задушу, – пообещал Фрей.

– Помолчите, – отмахнулся Сергей. – Мне самому не все понятно.

– Вам хорошо. Вы гормон знаете! – крикнул Фрей. – Чуть что – помолодеете, жену молодую возьмете. Я знаю, у вас все готово. Другие помрут, а вы наших внушек будете бесчестить!

– С меня этой жизни хватит, – усмехнулся Сергей. – Я пожил достаточно.

– Врешь! Самому скоро сто лет, а крепкий, как боровик!

– Если бы я мог ввести гормон по желанию... неужели я бы не спас Галину? Но решаю не я. Решает сам организм перед лицом смерти. Или страха, сопоставимого со смертью.

– Может, ты и не хотел ее спасать, – сказал Фрей и отступил к двери, словно испугался, что Сергей его ударит. – На молодой хочешь жениться.

Но Сергей вовсе не рассердился, он пропустил обвинение Фрея мимо ушей.

– Гормон, синтезированный мной, не может стать просто лекарством. И я убежден, что запрет на это лежит в самой природе жизни, – сказал он.

– А как же младенцы? – спросила Лидочка.

– Да, младенцы! – подтвердил Фрей.

– Здесь работают механизмы, которые включаются раньше, чем просыпается сознание. Я могу помочь младенцу. Но не взрослому. И не спрашивайте меня – как и почему. Я уверен только в одном – я старался выйти за пределы дозволенного человеку. Это слишком опасно.

– Но будут другие люди, другие ученые, – сказала Лида.

– Возможно, – ответил старик. – Надеюсь, это случится, когда нас с вами уже не будет на свете.

– И вы храните это в тайне?

– Разумеется. Как любой человек, владеющий пробиркой с бактериями чумы. Я могу разбить ее или закопать.

– Тогда молчи! – крикнул Фрей. – Не открывайся этой красоте.

– Не могу, – улыбнулся Сергей, – любому ученому страшно, что его знания умрут вместе с ним.

– Вам страшно? – спросила Лидочка.

– Не знаю. Возможно, уже не страшно. Потому что мне страшнее представить себе мобилизационные пункты, на которых древних стариков вновь превращают в юношей и выдают им гранатометы. Человечество всегда стремится обратить свои знания во вред людям.

– Ну уж это чушь! – воскликнул Фрей.

Сергей словно не слышал его.

– Я понимаю, – сказал он, – что через год или пять лет кто-то обязательно придет к этому открытию. Но, дай бог, к тому времени человечество станет лучше и добрее.

– Оно не станет таковым, если я его не сделаю свободным! – сказал Фрей, и в тот момент Лидочка окончательно убедилась, что он – оживший Ленин. Каким-то образом это было связано с тайной Сергея. Фрей был Лениным. И это находилось за пределами чуда и здравого смысла. Лида не могла поверить в то, во что уже уверовала. И совершенно произвольно она сказала:

– Но ведь я же была в Мавзолее!

Ей никто не ответил, а она поняла, что в Мавзолее может лежать кто угодно – был бы похож на фотографии. А может, и фотографии сделали задним числом?

Лидочка ушла тогда домой, одурманенная невозможностью поверить и бессилием не поверить. Она пыталась осознать масштаб и значение открытия, сделанного так давно и еще не повторенного. И в то же время она ужасалась возможности стать жертвой старческого розыгрыша.

Потом, уже поздней ночью, не в силах заснуть, она вдруг поняла, где таится главный обман. Он во Фрее. Фрей не может быть Лениным. Он – не великий человек. Он просто старый приживала...

Лидочке больше не хотелось возвращаться к Сергею, хотя положено жалеть стариков, тем более стариков такой тяжелой судьбы. Она даже не подходила к телефону, если подозревала, что звонит Сергей. А может быть, он и не звонил. Для собственного спокойствия было куда удобнее думать, что два сумасшедших старика разыграли ее. Правда, с каждым днем испуг таял как айсберг, и Лида уже готова была позвонить соседу. Но не успела.

Недели через две Лидочка шла из булочной. Перед ней мирно шествовали две молодые длинноногие мамы в похожих кожаных куртках. И коляски у них были одинаковые.

Лишь поравнявшись с ними, Лидочка догадалась, что это Женька и Лариса. Они узнали Лидочку, сдержанно поздоровались, а она замедлила шаг, непроизвольно заглядывая в

коляски.

Младенцы в них лежали строго, как персональные пенсионеры на пляже. Они догадались, зачем Лида косит на них взглядом, и встретили его молчаливым презрением.

– Чего же вы не заходили, – сказала Лариса. – Сергей Борисович все спрашивал, а у меня вашего телефона нет.

– Что с ним?

– В больнице. Я хотела позвонить, а он телефон не дал.

– Он простудился, да? – Лидочка подсознательно выбрала самый безобидный вариант.

– Если бы! – мрачно ответила Женя. Она была не накрашена и потому казалась совсем девочкой. Глаза ее распухли от недавних слез.

Младенец в коляске смотрел на Лиду не мигая, и его взгляд был холодным, змеиным, хотя так говорить о беспомощных младенцах нельзя.

– Ну что же случилось, в конце концов! – В Лидочкином голосе, наверное, звучало раздражение: «В конце концов, я ему не чужой человек!» – что было неправдой.

– В реанимации он, – сказала Женька, не обидевшись на такой тон, – туда не пускают. Наверное, помрет. Я с доктором говорила, с Вартаняном. Он говорит, что надежды мало.

– В какой больнице?

– Туда не пускают, – повторила Женька. – Даже меня не пустили, а я везде могу пройти.

– А что же будет? – спросила Лида, но никто не ответил.

И младенцы молчали – не сопели, не плакали, не смеялись. Все понимали и не доверяли Лидочке.

Получилось так, что молодые женщины проводили ее до дома и остановились у арки. Лида попрощалась и побежала прочь. Через несколько шагов ей захотелось оглянуться.

Обе женщины стояли в арке, глядя ей вслед.

Лидочка поднялась к себе, охваченная ощущением нечистоты, – и поспешила в душ. Это была странная форма психоза – врач объяснил бы, что она пыталась смыть с себя иррациональный страх.

Рассказ Сергея, потрясший какие-то опоры ее трезвого сознания, за прошедшие дни стерся, превратился в небылицу – и вдруг ожил вновь в холодных глазах малышей. Взгляд оказался куда более убедительным, чем все доказательства Сергея.

Зазвонил телефон.

Звонок был неожиданным и в пустой квартире показался слишком гулким.

– Лидия Кирилловна? – Высокий голос был знаком.

– Я у телефона.

– Мой псевдоним Фрей. Я помощник Сергея Борисовича.

Это вам что-нибудь говорит?

– Разумеется.

– Мне надо встретиться с вами.

– Зачем?

– Разве такие вопросы задают по телефону?

– Что с Сергеем? – Лида сама знала, что он в больнице. Но уж очень у Фрея был лживый голос...

– Он в отъезде. Он оставил для вас пакет. Я прошу вас немедленно его принять.

– Хорошо, – сразу согласилась Лида. – Куда мне подойти?

– Вам следует подойти по известному вам адресу через двадцать пять минут.

Голос звучал издалека, будто не из соседнего дома, а из Конотопа.

Лидочка засуетилась. Почему-то она решила, что Сергей прислал ей записку с поручениями – ему нужны фрукты, а может, надо доставать лекарства. Она вспомнила, что в холодильнике лежат два апельсина, потом доложила к ним коробку конфет, может, врачу подарить, затем отобрала газеты и журналы последних дней – ведь ему можно читать! Когда она уже оделась и подошла к двери, ее одолело опасение, что забыто нечто нужное. Лида сделала бесцельный круг по квартире, но так и не вспомнила, что же забыла.

Перед особнячком Лидочка была вовремя, но оказалось, что никого нет дома. Не дозвонившись в дверь, она обогнула особняк, но и у фотографов было пусто – приходя в студию, они сразу врубали ослепительные лампы. Сейчас окна смотрели серо и слепо.

Собирался дождь – пока еще не начался, но стало темнее. По листве прокатывались волны лесного шума. Ее обманули – но зачем? Фрею надо было, чтобы она ушла из дома? Мо-

жет, это банда грабителей? Где же тогда доверчивый Сергей?

И тут в предгрозовой мертвой тишине она услышала голос:

– Вы давно ждете?

Фрей стоял за ее спиной, знакомо, как на портретах, заткнув большие пальцы за жилет. Оттого его небольшой тугой животик выпятился вперед. Кепка скрывала глаза в тени, за дни разлуки эспаньолка подросла и сформировалась. Удивительно, что при виде его люди не ахали: «Ленин вечно жив!»

Но в тот момент Лидочку не так волновала таинственная биография Ильича, как судьба Сергея.

– Вы были в больнице? – спросила она.

– Ни слова, – предупредил, оглядываясь, Фрей. – Какая больница?

Он отпер дверь и, еще раз оглянувшись, пропустил Лиду в знакомую тесную прихожую.

Именно в тот момент она подумала, что ее хотят убить.

Такая нелепая мысль никогда раньше не приходила ей в голову. Да и как она могла возникнуть днем, посреди Москвы, в обществе безвредного, уступающего ей ростом пожилого человека?

Но Лиде стало так страшно, что она отступила к двери в комнату, а темный силуэт Фрея закрыл собой дверной проем... его рука протянулась к ней, она хотела крикнуть, но гортань свело судорогой. Рука старика коснулась ее плеча,

Лида молча отбросила ее, и Фрей раздраженно воскликнул:

– Вы мешаете мне зажечь свет!

Оказывается, Лида умудрилась встать между ним и выключателем.

При свете Фрей вовсе не казался страшным.

Он снял кепку, резким жестом кинул ее на полку и принялся вытирать ноги о половик.

– Вы тоже вытирайте, – сказал он. – Мыть тут некому.

– А почему вы не хотите сказать, что Сергей в больнице? – спросила Лидочка.

– Потому что потому. Я вам не справочное бюро! – Фрей вздернул бородку и, отстранив Лиду, прошел в комнату.

Он остановился возле дивана и хотел что-то сказать, но в этот момент издалека донесся детский плач.

– Что? – удивился Фрей. – Этого быть не может!

Лида поняла, что сейчас он, как царь Ирод, убежит истреблять вновь подкинутых младенцев.

Лидочка схватила его за полу пиджачка:

– Где пакет?

– Не знаю, – откликнулся он, вырываясь.

– Тогда я ухожу!

– Черт побери! – Он схватил со стола бумажный пакет и кинул через плечо. – Впрочем, теперь уже все равно!

Лидочка отпустила Фрея и подхватила пакет. Фрей убежал.

Пакет был в печальном виде. Кто-то грубо и в спешке от-

крывал его, надорвал, потом кое-как заклеил скотчем. На конверте было написано знакомым мелким летучим почерком Сергея:

«Лидии Берестовой, тел. 617-17-40. Передать в случае моей внезапной смерти».

– Нет! – вырвалось у Лидочки вслух. – Он живой!

Никто ей не ответил. Из соседней комнаты донесся занудный, напряженный, срывающийся на крик голос Фрея.

И тут Лидочка поняла, что должна спешить. Надо быстро прочесть письмо и принимать меры. Нельзя оставлять нити событий в сомнительных руках девиц и ископаемого большевика.

Она присела на край дивана и вытащила из конверта толстую тетрадь и несколько отдельных листов бумаги. Сначала она прочла верхний лист:

«Дорогая Лиди!

Спешу написать Вам, еще не решив, как передам это письмо. Но что бы ни случилось, наш неоконченный разговор требует завершения. Ведь у Вас остался неприятный осадок дурной шутки, жертвой которой Вы стали.

Поэтому прошу Вас – прочтите эту тетрадь. Надеюсь, что Вы согласитесь со мной: мое открытие нельзя предавать гласности, любые руки для него – дурные. И все же я не уничтожил записей и расчетов, оставляя решение за Вами. Когда взбесилась любимая собака, у тебя нет сил самому ее пристрелить. А

кроме Вас, у меня нет человека, которому я мог бы завещать мои мысли. Подумайте, прочтя. Решитесь сохранить – возьмите папки и картонку из шкафа. Нет – уничтожьте».

Фрей стоял посреди комнаты – Лидочка зачиталась и не заметила, как он вернулся. Он нервно потирал ладони.

Уловив взгляд Лидочки, он криво усмехнулся и с излишней бодростью воскликнул:

– Чай на подходе! Вам с сахаром или как?

– Погодите, я дочитаю.

– Разумеется, я и не помышляю мешать. Я пока тихо накрою на стол.

Зазвонил телефон. Фрей кинулся к аппарату, будто ждал звонка.

– Что? – сказал он. – Вы ошиблись... А я утверждаю, что вы неверно набираете номер. Здесь нет никакого Сергея Степановича...

Бог с ним и с его выдумками, подумала Лидочка и возвратилась к чтению. Фрей на цыпочках вышел из комнаты.

Глава 2

Январь-июль 1924 г

Такие толстые общие тетради в мягкой, но прочной коленкоровой или клеенчатой обложке у нас обыкновенны и долговечны. Поколения школьников и студентов заполняли их записями и каракулями, а то и карикатурами. И пока люди в России будут уметь писать или хотя бы этому обучаться, такие тетради не вымрут.

Тетрадь была старой. Когда-то на коленкор была наклеена прямоугольная этикетка с надписью «А. Пупкин. Химия» или «2-й курс, 6-я группа. Ираклий Ионишвили», а то и «Маргарита Ф. Дневник», но теперь от этикетки остался лишь пожелтевший уголок.

Несколько первых страниц было вырвано аккуратно, с помощью линейки. Наверное, сменился владелец тетради и новому прежние записи не понадобились.

Затем кто-то иной вырвал из тетради еще страниц двадцать – одним рывком, грубо, остались лохмотья страниц... Лидочка почему-то представила себе человека, согнувшегося над буржуйкой, который, положив тетрадь на колено, выдирает из нее опасные страницы, прислушиваясь притом, не слышны ли шаги в коридоре.

Разумеется, легко предположить, что последний хозяин

тетради был человеком неаккуратным и нетерпеливым. Но этого быть не могло, потому что первая из уцелевших страниц начиналась с полуслова, и вся она была покрыта аккуратным, стройным, почти писарским почерком Сергея Борисовича.

Значит, вернее всего, он сам хотел было уничтожить записи, но потом то ли опасность прошла стороной, то ли передумал...

«...шине Михаил Иосифович Авербах рассказал мне об удивительной внутренней организации Л. Летом 1921 года, предположив, что у него начинается прогрессирующий паралич, он попросил Н.К. достать ему все возможные специальные труды, касающиеся этой болезни. Несколько вечеров он провел над английскими и немецкими книгами и специальными журналами, а потом, отдавая их обратно для возврата в библиотеку, сказал Н.К., что теперь знает о своей болезни больше, чем врачи, и, к сожалению, его диагноз пессимистичен. Тогда же он стал рассуждать о смерти супругов Лафарг, которые за десять лет до того покончили с собой, решив, что болезни и возраст более не позволят им приносить пользу делу освобождения трудящихся. Н.К. отшутилась, сказав, что в их семье обязательно найдется дезертир, имея в виду себя. Л. засмеялся и несколько дней после этого называл ее не иначе как дезертиром.

Из английских трудов Л. сделал для себя простой и прак-

тичный вывод — знаком приближения смерти служит сильная боль в глазах, не связанная с утомлением. С тех пор и до кончины Л. особо внимательно относился к визитам М.И., потому что был убежден, что из уст окулиста он услышит приговор. Роль вестника беды Михаила Иосифовича весьма огорчала, но он был человеком долга и, несмотря на свою антипатию к большевикам, выделял Л. как удивительную, яркую личность, в которой щедро, но нелогично смешивался высокий идеализм с низменным политиканством, искренняя скромность и невероятное тщеславие, умение прощать и безбрежная мстительность. Я полагаю, что М.И. льстило, что именно он был избран для наблюдения за Л. и именно ему Л. доверял более других.

Летом 1923 года, во время очередного визита к больному вождю, когда я напросился к М.И. в качестве ассистента, не связанного с кремлевской братией, я и услышал от него, что Л. и на самом деле планирует самоубийство, что совершенно невозможно для практически парализованного, почти лишенного речи человеческого обломка. Но так как мы имеем дело с обломком гения, то не исключено, что его план удастся. Я не понял тогда, шутит ли М.И., и решил, что сам погляжу на великого больного и потом постараюсь сделать собственные выводы. (Если, конечно, бывают великие больные и просто больные.)

В памяти у меня сохранилось ощущение чудесного теплого дня, жужжания насекомых и пения птиц, всеобщего ми-

ра и покоя. Роскошный, но в то же время очень простой по формам загородный дворец в Горках был окружен щедрым, хоть и порядком запущенным парком. Нас встретила милостивая пожилая женщина, похожая на Л. и оказавшаяся его старшей сестрой Анной Ильиничной. В тот же день мне пришлось увидеть также Дмитрия Ильича – младшего брата Л., врача по образованию, еще одну сестру – Марию Ильиничну, а также его жену – Н.К. Должен сказать, что все это семейство произвело на меня самое лучшее впечатление своей деликатностью и в то же время желанием постоять друг за дружку, поддержать и ободрить. Милое российское интеллигентное семейство, не погубленное революцией и сохранившееся как бы вне этого дикого времени, будто осознавшее свой долг: посильно помогать кумиру, самому умному, самому лучшему – брату Володе. Все они – родственники Л. – трудились, и притом бескорыстно, в различных газетах либо учреждениях, принося помощь обществу и по мере сил, как я понял, стараясь не реагировать на реалии мира, созданного Володенькой. Мне показалось даже, что и участие в учрежденческих делах, и присутствие в газетах совершалось родными Л. не из любви к такой деятельности – вся энергия семьи после смерти старшего брата, террориста и убийцы Александра, сконцентрировалась в Володе, – а для того, чтобы служить ушами и глазами брата и знать достаточно, чтобы быть ему полезными не только дома, но и вне его.

Стань Л. присяжным поверенным или мировым судьей, они бы все ограничили свою жизнь домом или его ближайшими окрестностями, превратившись в интеллигентских российских обывателей по Чехову.

Присутствие любящих и преданных женщин было сразу очевидно по тому, как чисто и скромно содержался особняк, как был вымыт, ухожен Л., как аккуратно была заштопана выглаженная сорочка и как тщательно были пришиты к ней пуговицы. Я подумал, глядя на более чем скромную одежду всего семейства, что они так и не приспособились к распределителям и талонам – они помнили, что новую сорочку или кофточку можно было купить в недорогом магазине, оставшемся в том, милом их сердцу прошлом, которое они помогали уничтожить.

Как и предупредил меня М.И., у Л. наступила ремиссия: болезнь – коварнейший из смертельных недугов – временно отступила, как осаждающий крепость неприятель, который высматривает слабые места в стенах, полуразрушенных после предыдущих штурмов. Так что я надеялся – хотя и не было оснований для такой надежды – на то, что увижу вождя нашей страны гуляющим с палочкой в руке, продолжающим борьбу с болезнью. Хоть и знал, что нельзя верить большевистским газетам, создававшим в сознании обывателя именно такой образ Л., я оказался не подготовленным к открывавшемуся передо мной зрелищу, когда Анна Ильинична провела нас к лужайке, где находился Л.

В кресле-качалке с высокой, затянутой соломкой, закругленной поверху спинкой, с приспособленными к ней велосипедными колесами и подставочкой для ног сидел незнакомый старый человек с остановившимся взглядом, неживой желтоватой кожей лица — лишь рыжеватые с проседью усы и борода были узнаваемы по портретам и фотографиям.

Анна Ильинична окликнула Л., и тот с некоторым запозданием отреагировал на голос сестры. Его глазам вернулось осмысленное выражение, Л. криво улыбнулся, показывая этим, что узнал М.И., а затем перевел взгляд на меня — обычный просительный взгляд очень больного человека, с которым тот обращается к незнакомому врачу в тщетной надежде, что тот обладает панацеей от его немощи.

М.И. поздоровался — Л. поднял и протянул ему левую руку, еще не окончательно потерявшую подвижность, затем М.И. представил меня как молодого способного терапевта, призванного для независимой консультации.

Мой визит был строго неофициален, так как у меня были собственные сложности с ГПУ. С точки зрения здравого смысла, моя поездка в Горки была верхом легкомыслия. Кстати, когда меня впервые арестовали в тридцать первом, я ожидал, что мне будут шить покушение на вождя мирового пролетариата. Но оказалось, что поездки в Горки не были зафиксированы в моем досье. Видно, в последние месяцы Л. охраняли плохо и нехотя.

Прежде чем вернуться в дом для осмотра, Л., время про-

гулки которого еще не истекло, немного поговорил с М.И. о семейных делах моего коллеги, что меня расположило к больному. Я должен сказать, что периодически разум Л. как бы выползал из болота, раскрывал глаза, и ты видел, какой громадный, трепещущий, измученный страданием ум бьется в этом немощем тельце.

Во время неспешной беседы появился Дмитрий Ильич, младший брат Л., сам врач из Крыма, человек милый в манерах и более ничем не выдающийся. Я обратил внимание на то, с каким живым интересом Л. обратил свой взор к брату, вопрошая его о чем-то. Тот кивнул. Дмитрий Ильич спросил, не можем ли мы провести осмотр здесь, на свежем воздухе, но М.И. категорически отказался – он привез и уже развесил свои таблицы.

Мы осматривали Л. в главном корпусе, на первом этаже. Затем Л., уставший от общения с нами и вновь потерявший дар речи, покинул нас – его увезли, а Н.К. пригласила нас пообедать.

За скромным летним деревенским обедом все старались не говорить о болезни Л. и почему-то увлеклись воспоминаниями о жизни в Европе, где каждый из нас бывал и жил. Перебивая друг друга, родные Л. и мы с М.И. описывали красоты Германии или Швейцарии, как пресловутые восточные обезьянки, не желающие слышать, видеть или произносить чего-либо, относящегося к неприятной действительности.

За нами должны были прислать машину, но она запазды-

вала, и мы с М.И. после обеда отправились гулять по дорожкам парка, тогда как семейство Ульяновых разошлось по своим комнатам – благо их в Горках немало.

Помню, как я начал рассуждать о возмездии, каре, которая может проявить себя в неожиданной форме, на что М.И. резко возразил, что как врач он не видит проявления небесного бича в заболевании Л. хотя бы потому, что за свою практику насмотрелся на больных прогрессирующим параличом, которые в жизни и мухи не обидели.

– И все же, – настаивал я, – из всех возможных казней египетских некто всеведущий избрал для Л. специальное наказание – неподвижность для шарика ртути, безгласность для граммофона, бессилие для тирана, создавшего новый тип мировой империи. Почему такое совпадение?

– Возьмите судьбу иных тиранов, – спорил со мной М.И. – Правда, помирали они, как правило, рано – мало кто дожил до пятидесяти, вычерпывали себя скорее, чем обычные индивидуумы. Александр Македонский, Наполеон, Петр Великий, Тамерлан... Но ведь то же можно сказать и о поэтах?

– Никто еще всерьез не занимался физиологией гения, – сказал я. – Ведь это аномалия. Гении толкают историю вперед, создают в ней разрывы, дыры, завихрения, их деятельность приводит к колоссальным потерям жизней. Значит, в этом желтом немощном паралитике есть что-то, отличающее его от прочих людей.

– Что вы имеете в виду? – спросил М.И.

– Возможно, это гормон либо иное вещество, стимулирующее особую работу мозга.

– Или особую бессовестность! – улыбнулся М.И., достав гребенку и расчесывая растрепанные налетевшим ветром выющиеся волосы – мой старший коллега был элегантен и всегда следил за собой.

– Это не бессовестность, – сказал я. – Это иная мораль.

– Что в лоб, что по лбу.

– Значит, вы не верите в различие между человеком и гением?

– Во-первых, я не знаю, кто гений, а кто нет. Во-вторых, короля, как гласит французская поговорка, играет его окружение. Сложись обстоятельства иначе, не было бы вождя мирового пролетариата, а был бы присяжный поверенный в Симбирске.

– А вот и нет! – возмутился я. – Обстоятельства-то как раз не благоприятствовали Ленину. Он прожил почти полвека до своей революции и все эти годы держался на поверхности радикальной политики силой своего гения. Я убежден, что пройдет время...

– И памятниками ему будет уставлена вся земля российская!

– Нет... я о более отдаленном будущем. Я о том времени, когда взбаламученная Россия успокоится после очередного смутного времени и историки, журналисты, романисты начнут искать слабости в характере Л., провалы в его теоретиче-

ских работах, роковые ошибки в политике. Вы можете найти миллион ошибок и слабостей, но от этого Л. не перестанет быть гением.

– Гений и злодейство...

– Совместимы, Михаил Иосифович, – перебил я профессора, – еще как совместимы! И гениев злодейства было не меньше, чем гениев добра. В природе все уравновешено.

Мы присели на лавочку в тени старой липы. Солнечные лучи пробивались сквозь густую листву и высвечивали розовые пятна на сиреновой земляной дорожке.

– Вряд ли я смогу вам помочь, – сказал М.И.

Я не понял, в чем он собирался помочь мне.

– Я не смогу оставить вас здесь для наблюдений за Л., – пояснил М.И. – Лечащий врач Осипов, которого сегодня, к счастью, нет, весьма ревниво относится к конкурентам – куда проще выписать профессора из Берлина, чем московского приват-доцента. Штатные медики накинутся на вас как стая гарпий. И вы кончите молодую жизнь в подвалах ЧК.

М.И. полагал, что шутит или почти шутит. Он не подозревал, насколько скоро я пойду по предсказанному им пути.

– Не знаю, – сказал я, – интересно ли мне оставаться рядом с Л. Я его побаиваюсь. Он ведь гений.

– Опять вы за свое! – М.И. рассердился на меня. – Он просто пациент, который просыпается утром и через минуту сладкого неведения в ужасе вспоминает о том, что он парализован, обречен... Какая буря бушует в его душе, каков

конфликт между душой и бессильным телом! Он посылал тысячи людей на смерть, а теперь ждет свою...

К нам подошел невысокий стройный – в родню – взволнованный Дмитрий Ильич и, игнорируя меня, увлек М.И., которому, очевидно, доверял, в сторону, оставив меня на скамейке. Они принялись негромко беседовать.

Вскоре после того, как они закончили беседу, за нами прислали автомобиль, и, провожаемые добрыми напутствиями Ульяновых, мы покинули Горки. Тогда вполголоса, чтобы не услышал шофер, М.И. поведал мне продолжение истории с запланированным самоубийством Л.

Оказывается, Л. удалось привлечь на свою сторону брата, а также переведенного с помощью Дмитрия Ильича из Крыма старого большевика Преображенского. Сделано это было затем, чтобы окружить Л. своими людьми, уменьшив влияние агентов Сталина, который не хотел смерти Л., так как от его имени укреплял свои позиции в партии. В то же время Сталин желал контролировать каждый вздох Л. и его родни, видя во всех врагов и заговорщиков. Ему нужен был еле живой, безгласный и потому послушный Л.

Оказывается, предыдущую ночь Л. провел во флигеле, где жил Преображенский. Там до трех часов утра Л. спорил с Дмитрием и Преображенским. Спорил знаками, хрипом, неверными движениями левой руки, отказывался спать и есть до тех пор, пока те не сдались. Было решено, что в тот день, когда М.И. установит, что наступил последний при-

ступ, Л. подаст условленный знак – сложит указательный и средний пальцы левой руки. И тогда Преображенский принесет спрятанный у него во флигеле яд, а Дмитрий Ильич даст его брату.

Мне было трудно поверить в полную серьезность этого заговора. В нем было что-то от декадентской романтической литературы. Но М.И. был совершенно серьезен, и его лишь беспокоила этическая сторона дела. Признавая право каждого человека прекратить свою жизнь, он не желал быть участником такого убийства.

Я спросил тогда М.И., сколько-де еще протянет его пациент. М.И. ответил, что, по общему убеждению всех врачей, жить Л. осталось две-три недели.

– Несмотря на то, что ему сейчас лучше?

– Это не играет роли. Это коварная шутка болезни, как шутка палача, который придерживает ноги повешенного, чтобы тот подольше мучился. Но палачу скоро надоест, он отступит в сторону, и труп медленно завертится на веревке.

Оставшийся путь мы проделали в молчании. Оба были заняты своими невеселыми мыслями.

Когда мы уже въезжали в Москву, М.И. вдруг сказал:

– Но я бы не стал полностью доверяться диагнозу. Пациент меня не раз удивлял и удивит в будущем.

– Значит, вы все же признаете господство духа над плотью?

– Не в случае с прогрессивным параличом, – грустно

улыбнулся М.И. – Просто палач нашего пациента может оказаться великим шутником.

В тот момент я не предполагал, что еще увижу Л. живым и даже буду участником загадочных событий, сопровождавших его кончину.

Мог ли я предположить, что в темнеющем сознании Л. отпечатается мой образ и он как-то свяжет мое присутствие с собственной борьбой. Я в то время слишком буквально понимал замысел Л., слишком доверился его решимости покончить с собой, не понимая еще, что даже этот акт был рожден его могучим инстинктом самосохранения.

Прошло около полугода, прежде чем М.И. вновь предложил мне сопровождать его в Горки. За месяцы, прошедшие с последней нашей поездки, положение вождя революции ухудшалось и улучшалось – с общей тенденцией к ухудшению.

Мы приехали под Рождество, стоял сильный мороз, нас везли в санях под полостью.

Мы достигли дома Л. в синих морозных скрипучих сумерках. Сыпал редкий сухой снежок. В гостиной стояла елка, и Дмитрий Ильич с сестрой Марией украшали ее – Дмитрий Ильич прижимал к груди картонную коробку с шариками и другими дореволюционными игрушками, а Мария Ильинична, стоя на высоком стуле, вешала шарик на ветки.

Навстречу нам вышли Н.К. и незнакомая мне дама с длинным скучным лицом.

К столу, на котором стоял большой самовар, подкатали кресло с Л. За полгода он ссохся и еще более потемнел – волосы на висках поредели, а борода и усы казались светлее и желтее вокруг рта. Голова его покачивалась и дрожала на исхудавшей шее, и порой ему стоило труда удерживать ее вертикально.

Но нас он признал, и из невнятных звуков, которые он издавал и в которых разбирались лишь близкие, складывалось мое имя и имя М.И.

Надежда Константиновна, сидевшая за столом рядом со мной, сказала, что Л. не раз вспоминал обо мне – он верил, что я хороший врач, и даже хотел, чтобы я приехал, но доктор Осипов был против лишних медиков в Горках, и вместо меня из Германии выписали Ферстера и Гетье, которые могли лишь констатировать состояние больного и подтвердить роковой диагноз.

После чая М.И. проверил глазное дно Л., не нашел ничего явно тревожного, затем Л. дал понять, что хочет, чтобы и я его осмотрел. Я обратил внимание на то, что Л. за последние месяцы усох и даже уменьшился в росте, словно и кости тоже обладали способностью ссыхаться. Я указал на этот факт М.И., тот улыбнулся и отмахнулся – в тот момент он выписывал рецепт.

В целом же за пределами основного заболевания я не нашел никаких следов разрушения организма, о чем сказал Л., и тот, напрягшись, понял меня и несколько раз кивнул лы-

сой головой.

В те годы я уже увлекался проблемой компенсаторных функций человеческого организма. Упрощенно моя теория заключалась в том, что если в организме есть сильный раздражитель, угроза жизни в целом, то вторичные беды и напасти отступают, затаиваются, ожидая, чем же закончится основная бой. Л. меня интересовал в первую очередь из-за этого. И я был убежден, как бы ни насмешничал М.И., что виной тому необычайно высокая умственная организация Л., сила его необычайного мозга. Все, что было заключено в Л., подлежало мобилизации на войну против паралича, который тем не менее побеждал. Но, побеждая в главном, отступал по второстепенным направлениям.

Некоторые из моих соображений я высказывал вслух, прежде всего для Дмитрия Ильича, который весьма переживал за брата – все члены этого семейства были очень близки друг другу. М.И. меня не слушал. Он даже ушел из спальни, где я проводил осмотр. Л. как будто внимал моим разглагольствованиям и кивал, но, может быть, причиной тому была слабость шейных мышц.

Затем Дмитрий Ильич удивил меня, выказав полное доверие ко мне, подчеркивая, что я, по его мнению, не являюсь чекистом.

В присутствии Л. Дмитрий Ильич спросил меня, готов ли я выполнить личную и очень важную просьбу брата. Затем он пояснил, что речь идет о цианистом калии – сильном яде,

с помощью которого Л. намеревался покончить с собой. Но братья сомневались практически во всех обитателях Горок: одни слишком любили Л. и не допускали мысли о его смерти, другие были на службе у Сталина и потому – ненадежны.

Яд для Л. хранился во флигеле у Преображенского. Но тот был убежден, что в его комнате недавно кто-то провел обыск. Пакетик с ядом не был найден, но это не означало, что его не найдут в следующий раз. Поэтому Дмитрий Ильич попросил меня достать и иметь при себе цианистый калий в смертельной дозе для Л.

Мои попытки отшутиться, отговориться невозможностью даже подобной мысли – ибо она означала убийство одного из самых знаменитых людей на нашей планете – наткнулись на холодную стену отрицания.

– Никто не просит вас сыпать лекарство, – Дмитрий Ильич так и сказал: «лекарство», – в рот моему брату. Об этом мы с ним сами позаботимся. Но вы должны достать лекарство и в нужный момент по моей просьбе доставить его сюда.

Не слушая более моих возражений, Дмитрий Ильич, такой милый и мягкий на вид человек, объяснил напоследок, что вряд ли возникнет нужда в моей помощи, но в таком серьезном деле братья Ульяновы не намерены были рисковать.

Слушая наш разговор, Л. пытался улыбнуться одной стороной лица, и пальцы его левой руки шевелились, стараясь наложиться один на другой, как бы репетируя сигнал о смер-

ти.

* * *

В те дни М.И. не скрывал изумления перед жизнестойкостью Л., утверждая, что резервы его организма уже давно и полностью исчерпаны, но у меня уже сложилось свое, отличное от авербаховского, мнение. Я скорее склонялся к точке зрения Дмитрия Ильича, который, приехав ко мне в Москву и желая убедиться, что я раздобыл яд, сказал, что вообще не верит в то, что Владимир умрет. «Он придумает выход, – произнес Дмитрий Ильич, глядя в окно остановившимся взором. – Он всегда придумывал выход даже из более сложных ситуаций».

Я не был уверен, что в жизни Л. бывали более сложные ситуации.

В тот приезд Дмитрий Ильич опасался слежки и вел себя как конспиратор дореволюционных времен.

Развязка наступила 20 января, через несколько дней после приезда Дмитрия Ильича. В середине дня мне позвонил М.И. и сказал, что, по сообщению из Горок, у Л. – резкая боль в глазах. Сам Л. убежден, что это – сигнал пришедшей смерти. Он отказался подниматься с постели, отказался завтракать – он требует немедленного приезда М.И.

М.И. спросил, не составлю ли я ему компанию, благо у меня сложились хорошие отношения с семейством Ульяновых.

Разумеется, я согласился. Сомнения мои касались лишь пакета с ядом – должен ли я брать его с собой. В конце концов я положил пакетик в карман – проблема жизни и смерти Л. решается им и его семьей. Я же не более чем «почтовый ящик».

Пока я собирался, в ушах беспрерывно звучала фраза Дмитрия Ильича: «Он придумает выход». В ней было нечто колдовское, дьявольское – как и в безусловном преклонении Дмитрия Ильича перед братом, и в том, что я сам все более склонялся к мысли, что фигура такого масштаба, как Л., не даст смерти одолеть себя. При этом я оставался вполне трезвым, вовсе не склонным к мистике ученым и полагал, что все таинственные явления проще всего разгадывать с помощью здравого смысла и самой простой арифметики.

В тот, последний приезд обстановка в Горках резко переменялась. Хотя не исключаю, что ощущение это питалось в значительной степени моими собственными предчувствиями.

Мне показалось, что возле дома и в самом особняке в тот день было куда больше народу, чем обычно, словно хозяин дома уже умер и это событие выбросило из привычных уголков и комнат всех обитателей большого дома и привлекло иных – по грустному делу или из обязательного соседского любопытства.

Н.К. встретила нас внизу, глаза ее распухли и были красными. Анна Ильинична, напротив, была бледна и осунулась.

М.И. заговорил с доктором Осиповым, а меня попросил забрать из автомобиля таблицы и его саквояж. Я взял требуемое и присоединился к окулисту в гостиной.

Через несколько минут тревожного ожидания нас пригласили в спальню к Л.

Л., вытянувшись, лежал на кровати, покрытый клетчатым пледом. Видно было, насколько он ссохся; мне показалось даже, что на кровати лежит лысый ребенок, умирающий от голода, – фотографии таких детей еще недавно сопровождали в журналах сообщения из Поволжья.

При звуке наших шагов он медленно повернул голову, и после нескольких секунд пустоты глаза начали наполняться соком разума. Губы Л. шевельнулись, он промычал нечто, и Н.К. сказала:

– Он вас узнал.

И тут я увидел левую руку Л., которая лежала на пледе, – средний палец шевельнулся, стараясь покрыть собой указательный палец. И я понял смысл этого жеста – Л. не намеревался сдаваться, он сам решал, когда ему умирать.

Но тут центром внимания стал М.И. и его таблицы.

Авербах склонился к пациенту и стал спрашивать его – медленно и настойчиво, чтобы пробиться к тускнеющему сознанию:

– Вам больно? Больно глазам? Сильная боль...

Я вскоре перестал следить за вопросами и повел взглядом по небольшой комнате, стараясь запомнить в ней все:

и как расположена мебель, и как падает сквозь окно свет, и как одета Н.К... Почему-то я посчитал своим долгом все запомнить, словно мне предстояло написать воспоминания о последних минутах жизни вождя и преступно будет что-то упустить.

Как ни странно сейчас, описывая те события, я должен признать, что начисто забыл, как кто был одет, какая там стояла мебель и даже – сколько народу было в спальне.

Дмитрий Ильич тронул меня за локоть и потянул, увлекая за собой, прочь из комнаты.

В коридоре он спросил:

– Надеюсь, вы не забыли?

Повторяю, что перед отъездом из дома я отчаянно боролся с самим собой, не желая брать этот проклятый пакетик, но все же взял, полагая, что не имею права обманывать людей.

Я хотел было передать пакетик Д.И., но брат вождя отказался его принять и сказал, что сначала надо выслушать диагноз М.И.

Он же сообщил мне, что последний и самый сильный приступ начался ночью и сам Л. убежден в приближении смерти.

Мы вернулись в комнату к Л.

М.И. как раз произносил свой диагноз...

– Со стороны глазного нерва и вообще глаз никакого нарушения нормы нет. Все в порядке...

Слова «все в порядке» звучали в этой комнате как тревожный вопль – значит, дело не в глазах, не в переутомле-

нии, на что так надеялся Л. Значит, это – как он и вычитал в книгах – последний звонок приближающейся смерти.

Л. прикрыл веки, давая понять, что понял М.И.

Последующий час М.И. провел с родными Л., он вынужден был признать, что положение Л. совершенно безнадежно и, как бы ни сопротивлялся его организм, исход один и близок...

М.И. совсем не удивился, узнав от меня и стоявшего рядом Дмитрия Ильича, что я по его просьбе остаюсь в Горках на ночь.

М.И. покинул Горки, когда уже было темно. Я вышел проводить его на крыльцо. Стоял жгучий мороз. Снег отчаянно скрипел, будто взвизгивал под каблуками людей. В спину нам бил теплый свет из окон.

М.И. пожал мне руку, словно Пущин остающемуся в ссылке Пушкину.

Вскоре после отъезда М.И. Анна Ильинична обнаружила меня в гостиной и попросила следовать за ней.

– Сейчас приедут разные люди, – сказала она неодобрительно. – Лучше, чтобы они вас здесь не видели. Как мухи на падаль... – И повторила: – Как мухи на падаль, – не ощущая двусмысленности этих слов.

А впрочем, подумал я, может быть, она уже похоронила брата? И я здесь единственный, кто не верит в смерть Л.?

Анна Ильинична оставила меня в небольшой комнатке второго этажа, окно которой выходило на главный фасад.

Она зажгла свет и попросила чувствовать себя как дома.

В комнате были диван, письменный стол и старый шкаф с полуоткрытой дверцей. На письменном столе стояла электрическая лампа, переделанная из керосиновой. Анна Ильинична прошла к окну, задернула занавески, потом зажгла лампу на столе.

– Здесь вы будете ночевать, – сказала она. – Я принесу вам белье. Туалет и умывальник в конце коридора. Простите меня. Мне некогда.

С этими словами, не ожидая моего ответа, она вышла из комнаты, и ее сухие частые шаги застучали, удаляясь, по коридору.

Впервые за вечер я остался один. Звуки снизу сюда не долетали. Я почувствовал тишину, которая царила в Горках.

Я подошел к окну и открыл форточку. По дороге к дому приближались огни автомобилей. Наверное, ехали те, кого Анна Ильинична сравнила с мухами.

Я потушил свет, чтобы меня не было видно снаружи, и стал наблюдать за тем, что происходит у входа в особняк. Лестница была ярко освещена электрическими фонарями.

Мое любопытство объяснимо и понятно – ведь я был куда моложе, чем сейчас, и судьбой мне было уготовано присутствовать при кардинальном моменте истории – смерти великого человека.

Из первой машины выбрался Сталин – его мне приходилось видеть в годы Гражданской войны, когда я, недав-

ний студент, вернувшийся с Южного фронта после ранения и продолживший обучение в университете, повадился посещать разного рода собрания и митинги, влекомый свойственным мне любопытством. Тогда для меня он был представителем нового российского начальства, выползшего из глухих уголков империи и плохо говорящего по-русски. Были те начальники грузинами, венграми, евреями, латышами, поляками – людьми ущербными от долгого угнетения и готовыми наказывать всех, кто не был им подобен. Тот Сталин, которого я увидел три года назад и в котором не угадал вождя великой державы и даже сочувствовал его неумению слагать русские фразы, был невелик, сдержан в жестах и этим запомнился – среди крикунов и лицедеев он был бухгалтером.

На этот раз я узнал Сталина лишь по усам – он был в дохе и ушанке. А следом, из второй машины, выкатился, поспешил к Сталину нарком здравоохранения Семашко. На улице им разговаривать было холодно – пар от дыхания стал плотен и непрозрачен. Они нырнули в подъезд, который им пришлось открывать самим, за Сталиным вбежал еще какой-то человек, видно, из охраны, а шоферы отогнали машины в сторону.

Сталин был тогда Главным секретарем партии. И все считали его другом и надежным союзником Л.

Когда они вошли в дом, я тихо вышел в коридор – меня влекло любопытство.

В коридоре было почти темно – лишь слабенькая лампочка горела у лестницы.

Подойдя к лестнице, я мог лишь наблюдать за теми, кто выходил из покоев Л., но нарушить приказ Анны Ильиничны и спуститься вниз я не посмел.

Пробежала Мария Ильинична с кастрюлей горячей воды, за ней одна из секретарш или служанок несла полный графин. Смысл этого действия был мне непонятен.

Из спальни вышел Сталин. Он отошел к стулу, стоявшему у дверей, сел, достал пачку папирос и закурил. В доме никто не курил, и потому запах табака в одночасье отравил воздух. Даже я, относившийся к табачному дыму вполне лояльно, чуть не закашлялся.

Возле Сталина остановилась Анна Ильинична.

– Иосиф Виссарионович, – предложила она, – может, желаете выпить чашку чаю? Самовар в столовой, горячий.

– Спасибо, – сказал Сталин, наклонив голову, чтобы вытолкнуть из себя это слово, – мне не хочется чаю. Я побуду здесь.

У него были тяжелые слова. Анна Ильинична тоже это почувствовала и отступила от Сталина, словно испугалась.

А тот продолжал курить, задумчиво глядя в пол. Затем, словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову, и я еле успел отступить назад. Я понял, что он сейчас пойдет к лестнице, чтобы проверить, кто подслушивает. Но, на мое счастье, дверь в спальню открылась и оттуда вышел нарком Се-

машко.

– И как там у вас дела? – спросил Сталин. Он очень плохо говорил по-русски.

Семашко понизил голос, словно сообщал государственную тайну.

– Владимиру Ильичу дали касторку, – громко прошептал он.

– Зачем? – спросил Сталин.

– У товарища Л. не работает желудок, – сообщил нарком.

– Правильно, – сказал Сталин.

Они замолчали.

Я стоял вне поля их видимости, значит, и сам их не видел. Только мог по шагам и голосам догадываться, кто участвует в разговоре.

Скрипнула дверь. Явление следующее – те же и супруга вождя.

– Мне надо будет поговорить с Владимиром Ильичом наедине, – сказал Сталин.

– Но вы же знаете, он не владеет речью, – слышался голос Н.К.

М.И. говорил мне, что у Ленина произошел со Сталиным конфликт именно из-за Н.К. И якобы он послужил толчком к обострению болезни. Сталин и Н.К. не выносили друг друга.

– Мне не нужно, чтобы он владел речью. Но в свое время он обратился ко мне с просьбой. И я, надеюсь, смогу ему теперь помочь.

– Не думаю, что Владимир Ильич нуждается сейчас в вашей помощи.

– Это решаем мы с ним, а не вы, – тихо произнес Сталин. И мне показалось, что я заглянул в его рыжие глаза.

– Хорошо. – Голос Н.К. дрогнул.

Она скрылась в спальне Л. Семашко куда-то испарился.

Снова наступила тишина. Сталин откашлялся, будто рядом со мной – так тихо было в доме. Потом приоткрылась дверь в комнату Л., и оттуда донеслись голоса. Я осмелился выглянуть и увидел, как Сталин поднялся и, не вынимая из рта папиросу, заглядывает в приоткрытую дверь. Мне запомнилось, что у него на ногах были валенки и галоши – с галош натекло возле стула, где он сидел.

– Ну что? Что там? – спросил Сталин.

Я понял, что он говорит с наркомом.

– Прослабило, – сообщил нарком.

– Да идите вы со своими клизмами! – рассердился вдруг Сталин. – Почему эта курица не выгоняет всех из комнаты?

– Сейчас, они меняют белье, – сообщил Семашко. – Вы же понимаете, Иосиф Виссарионович.

– Черт возьми, еще этого не хватало!

Поскрипывал разохшийся паркет. Сталин быстро ходил по залу.

Потом шаги стихли, и я услышал голос Сталина:

– Тогда пойдите к Ильичу и скажите ему в ухо, чтобы он понял, что я привез то, о чем он просил. Я привез.

– О нет! – почему-то возразил Семашко. – Подождите немного, и вы сами ему скажете.

Послышались шаги, шуршание одежды. Я наклонился – из дверей спальни вышли несколько женщин: одна несла ночную посуду, вторая – свернутые в узел простыни, третья – пустой кувшин и таз.

В дверях стоял Дмитрий Ильич.

– Заходите, Иосиф Виссарионович, – сказал он. – И если вы не возражаете, я буду вам помогать.

Не ответив ему, Сталин вошел в комнату к Л.

* * *

Ночью, когда все в доме затихло, Сталин и Семашко умчались в Москву, а Л. заснул, Дмитрий Ильич поднялся ко мне и рассказал, как происходила последняя встреча Л. и Сталина.

Сталин, по словам Дмитрия Ильича, был поражен, увидев, как изменился Л.

Л. с трудом воспринимал связную речь, так что Дмитрию Ильичу пришлось выступить в роли переводчика. Сначала С. убедился, что никто их не подслушивает, затем он спросил Л., не изменил ли тот своего намерения. Того самого намерения, помочь в исполнении которого он просил Сталина еще полтора года назад.

Л. долго не мог понять, но, когда понял, глядя на Дмитрия

Ильича, промычал слово «убить». Или «убил».

– Вы говорите о самоубийстве? – спросил Дмитрий Ильич.

– Вот именно.

Л. показал бровями, что удивлен, и Дмитрий Ильич истолковал его вопрос так:

– Почему вы изменили свое мнение? Вы ведь были резко против самоубийства?

– Я думаю, товарищ Л., – сказал тогда Сталин, обращаясь к умирающему, – что этим я выражаю вашу волю. Я ведь человек и должен помогать другим людям.

– Ни я, ни мой брат, – сказал мне тогда Дмитрий Ильич, – не поверили Сталину. Я чувствовал, как брат старается сжать пальцами мою руку, лежавшую на его кисти, и взялся истолковать невысказанные мысли Володи. Я сказал Сталину:

«Брат просит оставить привезенное с собой». – «Почему он думает... почему вы думаете, что я привез это с собой?» – «Это понятно», – сказал я.

Сталину не понравились мои слова, но он вынул из кармана и передал мне пакетик. И сказал, что это – цианистый калий.

– И тогда я увидел, что мой брат улыбается. И я понял почему. Теперь у него есть целых три пакета с ядом. Три смерти ждут его, не говоря об обыкновенной... Сталин ушел, недовольный мной и братом. Ему казалось, что его дурачат. Но

он не понимал – истолковываю ли я Володю, понимаю его или придумываю от своего имени, тогда как Володя – не более как бессмысленное растение.

– Но почему вдруг Сталин привез яд? – спросил я. – Значит, ему нужен мертвый Л.?

– Почти правильно, – ответил Дмитрий Ильич, не удивившись моей излишней смелости. Даже в те годы рассуждать так с малознакомыми людьми было не принято.

Но, оказавши раз доверие, Дмитрий Ильич как бы позволил мне задавать такие вопросы.

– Раньше он отказывался даже обсуждать эту проблему, – сказал Дмитрий Ильич. – Я думаю, потому что ему нужен был живой, но беспомощный Ленин. Лучший ученик, верный последователь, замечательный организатор – я слышался этих слов даже здесь. Да и брат полагал, что Сталин оставлен им в роли цепного пса, пока хозяин отлучился. Но цепной пес стал показывать нрав. Брат обсуждал с ним проблему ухода из этого мира – Сталин избегал этого разговора. Как только Володя умрет... – Дмитрий Ильич остановился, прислушиваясь, но в особняке было очень тихо – тревожной тишиной ночного бодрствования. – Как только Володя умрет, Сталину придется отстаивать свое место против сильных ветеранов. А по уму, способностям, силе воли он им не чета...

Как тогда ошибался Дмитрий Ильич! Впрочем, ошибались все. И даже те самые сильные ветераны.

– Так что же случилось?

– А то, что Володя понял опасность. Опасность, исходящую от Сталина, для партии, для всей страны, для мирового коммунизма. Он понял наконец, что Сталин вовсе не коммунист, а политический интриган, рвущийся к власти. И после инцидента с Надюшей Л. перешел в наступление.

– Союз хозяина и цепного пса распался? – неосторожно спросил я. Дмитрий Ильич поморщился; при свете настольной лампы мне было видно, как неприятно ему было слушать эти мальчишеские слова, причем виной тому был он сам – он произнес их первым.

– Простите, – сказал я.

– Ничего, – ответил Дмитрий Ильич. – Накурил он здесь – за два дня не выветришь... Последние шаги брата были направлены против Сталина. И тот должен понимать, что если Володя пошел в крестовый поход, то остановить его может только смерть. И тут Сталин вспомнил о просьбе Володи – когда станет совсем плохо, дать ему яд. Смотрите, Сергей Борисович, с какой скоростью он действовал: не прошло трех часов, как уехал профессор Авербах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.